3 1761 05344021 0

ΜΟΥΣΑΓΕΤΗΣ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1905—1914)

Страшный міръ. — Возмездіе. — Опять на родинѣ. — Итальянскіе стихи. — Разныя стихотворенія. — Арфы и скрипки. — Карменъ.—Родина.—О чемъ поетъ вѣтеръ.

Изданіе 2-е, переработанное и дополненное.

МОСКВА
Издательство МУСАГЕТЪ
MCMXVI

LIBRARY
MAR 17 1999
UNIVERSITY OF TORONTO

СТРАШНЫЙ МІРЪ.

КЪ МУЗѢ.

Есть въ напѣвахъ твоихъ сокровенныхъ
Роковая о гибели вѣсть.
Есть проклятье завѣтовъ священныхъ,
Поруганіе счастія есть.

И такая влекущая сила,
Что готовъ я твердить за молвой,
Будто ангеловъ ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смѣешься надъ вѣрой,
Надъ тобой загорается вдругъ
Тотъ неяркій, пурпурово—сѣрый
И когда-то мной видѣнный кругъ.

Я хотѣлъ, чтобъ мы были врагами,
Такъ за что жъ подарила мнѣ ты
Лугъ съ цвѣтами и твердь со звѣздами —
Все проклятье своей красоты?

И коварнѣе сѣверной ночи,
И хмельнѣй золотого Аи,
И любови цыганской короче —
Были страшныя ласки твои.

И была роковая отрада
Въ попираньи завѣтныхъ святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, какъ полынь...

———

Изъ хрустальнаго тумана,
Изъ невиданнаго сна
Чей-то образъ, чей-то странный...
(Въ кабинетѣ ресторана
За бутылкою вина).

Визгъ цыганскаго напѣва
Налетѣлъ изъ дальнихъ залъ,
Дальнихъ скрипокъ вопль туманный...
Входитъ вѣтеръ, входитъ дѣва
Въ глубь исчерченныхъ зеркалъ.

Взоръ во взоръ—и жгуче-синій
Обозначился просторъ.
Магдалина! Магдалина!
Вѣетъ вѣтеръ изъ пустыни,
Раздувающій костеръ.

Узкій твой бокалъ и вьюга
За глухимъ стекломъ окна—
Жизни только половина!
Но за вьюгой—солнцемъ юга
Опаленная страна!

Разрѣшенье всѣхъ мученій,
Всѣхъ хуленій и похвалъ,
Всѣхъ змѣящихся улыбокъ,
Всѣхъ просительныхъ движеній,
Жизнь разбей, какъ мой бокалъ!

Чтобъ на ложѣ долгой ночи
Не хватило страстныхъ силъ!
Чтобъ въ пустынномъ воплѣ скрипокъ
Перепуганныя очи
Смертный сумракъ погасилъ.

ПѢСНЬ АДА.

День догорѣлъ на сферѣ той земли,
Гдѣ я искалъ путей и дней короче.
Тамъ сумерки лиловыя легли.

Меня тамъ нѣтъ. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступомъ скользкихъ скалъ.
Знакомый Адъ глядитъ въ пустыя очи.

Я на землѣ былъ брошенъ въ яркій балъ,
И въ дикомъ танцѣ масокъ и обличій
Забылъ любовь и дружбу потерялъ.

Гдѣ спутникъ мой?—О, гдѣ ты, Беатриче?—
Иду одинъ, утративъ правый путь,
Въ кругахъ подземныхъ, какъ велитъ обычай,

Средь ужасовъ и мраковъ потонуть.
Потокъ несетъ друзей и женщинъ трупы,
Кой-гдѣ мелькнетъ молящій взоръ, иль грудь,

Пощады вопль, иль возгласъ нѣжный—скупо
Сорвется съ устъ; здѣсь умерли слова;
Здѣсь стянута безсмысленно и тупо

Кольцомъ желѣзной боли голова;
И я, который пѣлъ когда-то нѣжно,—
Отверженецъ, утратившій права!

Всѣ къ пропасти стремятся безнадежной,
И я вослѣдъ. Но вотъ, въ прорывѣ скалъ,
Надъ пѣною потока бѣлоснѣжной,

Передо мною безконечный залъ.
Сѣть кактусовъ и розъ благоуханье,
Обрывки мрака въ глубинѣ зеркалъ;

Далекихъ утръ неясное мерцанье
Чуть золотитъ поверженный кумиръ;
И душное спирается дыханье.

Мнѣ этотъ залъ напомнилъ страшный міръ,
Гдѣ я бродилъ слѣпой, какъ въ дикой сказкѣ,
И гдѣ застигъ меня послѣдній пиръ.

Тамъ брошены зіяющія маски;
Тамъ старцемъ соблазненная жена,
И наглый свѣтъ засталъ ихъ въ мерзкой ласкѣ.

Но заалѣлся переплетъ окна
Подъ утреннимъ холоднымъ поцѣлуемъ,
И странно розовѣетъ тишина.

Въ сей часъ въ странѣ блаженной мы ночуемъ,
Лишь здѣсь безсиленъ нашъ земной обманъ,
И я смотрю, предчувствіемъ волнуемъ,

Въ глубь зеркала сквозь утренній туманъ.
Навстрѣчу мнѣ, изъ паутины мрака,
Выходитъ юноша. Затянутъ станъ;

Увядшей розы цвѣтъ въ петлицѣ фрака
Блѣднѣе устъ на ликѣ мертвеца;
На пальцѣ—знакъ таинственнаго брака—

Сіяетъ острый аметистъ кольца;
И я смотрю съ волненьемъ непонятнымъ
Въ черты его отцвѣтшаго лица

И вопрошаю голосомъ чуть внятнымъ:
— Скажи, за что томиться долженъ ты
И по кругамъ скитаться невозвратнымъ?—

Пришли въ смятенье тонкія черты,
Сожженный ротъ глотаетъ воздухъ жадно,
И голосъ говоритъ изъ пустоты:

— Узнай: я преданъ мукѣ безпощадной
За то, что былъ на горестной землѣ
Подъ тяжкимъ игомъ страсти безотрадной.

Едва нашъ городъ скроется во мглѣ,—
Томимъ волной безумнаго напѣва,
Съ печатью преступленья на челѣ,

Какъ падшая, униженная дѣва,
Ищу забвенья въ радостяхъ вина...
И пробилъ часъ карающаго гнѣва:

Изъ глубины невиданнаго сна
Всплеснулась, ослѣпила, засіяла
Передо мной—чудесная жена!

Въ вечернемъ звонѣ хрупкаго бокала
Въ туманѣ хмельномъ встрѣтившись на мигъ
Съ единственной, кто ласки презирала,

Я ликованье первое постигъ!
Я утопилъ въ ея зѣницахъ взоры!
Я испустилъ впервые страстный крикъ!

Такъ этотъ мигъ насталъ, нежданно скорый.
И мракъ былъ глухъ. И долгій вечеръ мглистъ.
И странно встали въ небѣ метеоры.

И былъ въ крови вотъ этотъ аметистъ.
И пилъ я кровь изъ плечъ благоуханныхъ.
И былъ напитокъ душенъ и смолистъ...

Но не кляни повѣствованій странныхъ
О томъ, какъ длился непонятный сонъ...
Изъ безднъ ночныхъ и пропастей туманныхъ

Къ намъ доносился погребальный звонъ;
Языкъ огня взлетѣлъ, свистя, надъ нами,
Чтобъ сжечь ненужность прерванныхъ временъ!

И—сомкнутыхъ безмѣрными цѣпями—
Насъ нѣкій вихръ увлекъ въ подземный міръ!
Окованной навѣкъ глухими снами

Дано ей чуять боль и помнить пиръ,
Когда, что ночь, къ плечамъ ея атласнымъ
Тоскующій склоняется вампиръ!

Но мой удѣлъ—могу ль не звать ужаснымъ?
Едва холодный и больной разсвѣтъ
Исполнитъ Адъ сіяньемъ безучастнымъ,

Изъ зала въ залъ иду свершать завѣтъ,
Гонимъ тоскою страсти безначальной,—
Такъ сострадай и помни, мой поэтъ:

Я обреченъ въ далекомъ мракѣ спальной,
Гдѣ спитъ она и дышитъ горячо,
Склонясь надъ ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень въ бѣлое плечо!

ДЕМОНЪ.

Прижмись ко мнѣ крѣпче и ближе,
Не жилъ я—блуждалъ средь чужихъ...
О, сонъ мой! Я новое вижу
Въ бреду поцѣлуевъ твоихъ!

Въ томленьи твоемъ изступленномъ
Тоска небывалой весны
Горитъ мнѣ лучомъ отдаленнымъ
И тянется пѣсней зурны.

На дымно-лиловыя горы
Принесъ я на лучъ и на звукъ
Усталые губы и взоры
И плети изломанныхъ рукъ.

И въ горномъ закатномъ пожарѣ,
Въ разливахъ синѣющихъ крылъ,
Съ тобою, съ мечтой о Тамарѣ,
Я, горній, навѣки безъ силъ...

И снится—въ далекомъ аулѣ,
У склона безсмертной горы
Тоскливо къ намъ въ небо плеснули
Ненужныя складки чадры...

Тамъ стелется въ пляскѣ и плачетъ,
Пыль вьется и стонетъ зурна...
Пусть скачетъ женихъ—не доскачетъ!
Чеченская пуля вѣрна.

———

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Никогда не забуду (онъ былъ или не былъ,
Этотъ вечеръ): пожаромъ зари
Сожжено и раздвинуто блѣдное небо,
И на желтой зарѣ—фонари.

Я сидѣлъ у окна въ переполненномъ залѣ,
Гдѣ-то пѣли смычки о любви.
Я послалъ тебѣ черную розу въ бокалѣ
Золотого, какъ небо, Аи.

Ты взглянула. Я встрѣтилъ смущенно и дерзко
Взоръ надменный и отдалъ поклонъ.
Обратясь къ кавалеру, намѣренно рѣзко
Ты сказала:—И этотъ влюбленъ.

И сейчасъ же въ отвѣтъ что-то грянули струны,
Изступленно запѣли смычки...
Но была ты со мной всѣмъ презрѣніемъ юнымъ,
Чуть замѣтнымъ дрожаньемъ руки...

Ты рванулась движеньемъ испуганной птицы,
Ты прошла, словно сонъ мой легка...
И вздохнули духи, задремали рѣсницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но изъ глуби зеркалъ ты мнѣ взоры бросала
И, бросая, кричала:—Лови!...
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала зарѣ о любви.

УНИЖЕНІЕ.

Въ черныхъ сучьяхъ деревъ обнаженныхъ
Желтый зимній закатъ за окномъ.
(Къ эшафоту на казнь осужденныхъ
Поведутъ на закатѣ такомъ.)

Красный штофъ полинялыхъ диванов,
Пропыленныя кисти портьеръ...
Въ этой комнатѣ, въ звонѣ стакановъ,
Купчикъ, шулеръ, студентъ, офицеръ...

Этихъ голыхъ рисунковъ журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягкимъ коврамъ прозвенѣли
Шпоры, смѣхъ, заглушенный дверьми...
Развѣ домъ этотъ—домъ въ самомъ дѣлѣ?
Развѣ *такъ* суждено межъ людьми?

Развѣ радъ я сегодняшней встрѣчѣ?
Что ты ликомъ бѣла, словно платъ?
Что въ твои обнаженныя плечи
Бьетъ огромный холодный закатъ?

Только губы съ запекшейся кровью
На иконѣ твоей золотой
(Развѣ *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

Въ желтомъ, зимнемъ, огромномъ закатѣ
Утонула (такъ пышно!) кровать...
Еще тѣсно дышать отъ объятій,
Но ты свищешь опять и опять...

Онъ не веселъ—твой свистъ замогильный...
Чу! опять—бормотаніе шпоръ...
Словно змѣй, тяжкій, сытый и пыльный,
Шлейфъ твой съ креселъ ползетъ на коверъ...

Ты смѣла! Такъ еще будь безстрашнѣй!
Я—не мужъ, не женихъ твой, не другъ!
Такъ вонзай же, мой ангелъ вчерашній,
Въ сердце—острый французскій каблукъ!

АВІАТОРЪ.

Летунъ отпущенъ на свободу.
Качнувъ двѣ лопасти свои,
Какъ чудище морское въ воду,
Скользнулъ въ воздушныя струи.

Его винты поютъ, какъ струны...
Смотри: недрогнувшій пилотъ
Къ слѣпому солнцу надъ трибуной
Стремитъ свой винтовой полетъ...

Ужъ въ вышинѣ недостижимой
Сіяетъ двигателя мѣдь,
Тамъ, еле слышный и незримый,
Пропеллеръ продолжаетъ пѣть...

Потомъ—напрасно ищетъ око:
На небѣ не найдешь слѣда,
Въ биноклѣ, вскинутомъ высоко,
Лишь воздухъ—ясный, какъ вода...

А здѣсь, въ колеблющемся зноѣ,
Въ курящейся надъ лугомъ мглѣ,
Ангары, люди, все земное—
Какъ бы придавлено къ землѣ...

Но снова въ золотомъ туманѣ
Какъ-будто, неземной аккордъ...
Онъ близокъ, мигъ рукоплесканій
И жалкій міровой рекордъ!

Все ниже спускъ винтообразный,
Все круче лопастей извивъ,
И вдругъ... нелѣпый, безобразный
Въ однообразьи перерывъ...

И звѣрь съ умолкшими винтами
Повисъ пугающимъ угломъ...
Ищи отцвѣтшими глазами
Опоры въ воздухѣ... пустомъ!

Ужъ поздно: на травѣ равнины
Крыла измятая дуга...
Въ сплетеньи проволокъ машины
Рука – мертвѣе рычага...

Зачѣмъ ты въ небѣ былъ, отважный,
Въ свой первый и послѣдній разъ?
Чтобъ львицѣ свѣтской и продажной
Поднять къ тебѣ фіалки глазъ?

Или восторгъ самозабвенья
Губительный извѣдалъ ты,
Безумно возалкалъ паденья
И самъ остановилъ винты?

Иль отравилъ твой мозгъ несчастный
Грядущихъ войнъ ужасный видъ:
Ночной летунъ во мглѣ ненастной
Землѣ несущій динамитъ?

1910—1912.

ПЛЯСКА СМЕРТИ.

Какъ тяжко мертвецу среди людей
Живымъ и страстнымъ притворяться!
Но надо, надо въ общество втираться,
Скрывая для карьеры лязгъ костей...

Живые спятъ. Мертвецъ встаетъ изъ гроба,
И въ банкъ идетъ, и въ судъ идетъ, въ сенатъ...
Чѣмъ ночь бѣлѣе, тѣмъ чернѣе злоба,
И перья торжествующе скрипятъ.

Мертвецъ весь день трудится надъ докладомъ.
Присутствіе кончается. И вотъ—
Нашептываетъ онъ, виляя задомъ,
Сенатору—скабрезный анекдотъ...

Ужъ вечеръ. Мелкій дождь зашлепалъ грязью
Прохожихъ, и дома, и прочій вздоръ...
А мертвеца—къ другому безобразью
Скрежещущій несетъ таксомоторъ.

Въ залъ многолюдный и многоколонный
Спѣшитъ мертвецъ. На немъ—изящный фракъ.
Его дарятъ улыбкой благосклонной
Хозяйка—дура и супругъ—дуракъ.

Онъ изнемогъ отъ дня чиновной скуки,
Но лязгъ костей музыкой заглушонъ...
Онъ крѣпко жметъ пріятельскія руки,—
Живымъ, живымъ казаться долженъ онъ!

Лишь у колонны встрѣтится очами
Съ подругою—она, какъ онъ, мертва.
За ихъ условно-свѣтскими рѣчами
Ты слышишь настоящія слова:

— Усталый другъ, мнѣ странно въ этомъ залѣ.
— Усталый другъ, могила холодна.
— Ужь полночь.—Да, но вы не приглашали
На вальсъ NN. Она въ васъ влюблена...

А тамъ—NN ужь ищетъ взоромъ страстнымъ
Его, его—съ волненіемъ въ крови...
Въ ея лицѣ, дѣвически прекрасномъ,
Безсмысленный восторгъ живой любви...

Онъ шепчетъ ей незначащія рѣчи,
Плѣнительныя для живыхъ слова,
И смотритъ онъ, какъ розовѣютъ плечи,
Какъ на плечо склонилась голова...

И острый ядъ привычно-свѣтской злости
Съ нездѣшней злостью расточаетъ онъ...
— Какъ онъ уменъ! Какъ онъ въ меня влюбленъ!

Въ ея ушахъ—нездѣшній, странный звонъ:
То кости лязгаютъ о кости.

Пустая улица. Одинъ огонь въ окнѣ.
Еврей-аптекарь охаетъ во снѣ.

А передъ шкапомъ съ надписью: Venena,
Хозяйственно согнувъ скрипучія колѣна,

Скелетъ до глазъ закутанный плащомъ,
Чего то ищетъ, скалясь чернымъ ртомъ...

Нашелъ... Но ненарокомъ чѣмъ-то звякнулъ,
И черепъ повернулъ... Аптекарь крякнулъ,

Привсталъ,—и на другой свалился бокъ...
А гость межъ тѣмъ—завѣтный пузырекъ

Суетъ изъ-подъ плаща двумъ женщинамъ безносымъ
На улицѣ, подъ фонаремъ бѣлесымъ.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Безсмысленный и тусклый свѣтъ.
Живи еще хоть четверть вѣка—
Все будетъ такъ. Исхода нѣтъ.

Умрешь—начнешь опять сначала,
И повторится все, какъ встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Есть игра: осторожно войти,
Чтобъ вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незамѣтно слѣдить.

Какъ бы ни былъ не чуткъ и грубъ
Человѣкъ, за которымъ слѣдятъ,—
Онъ почувствуетъ пристальный взглядъ
Хоть въ углахъ еле дрогнувшихъ губъ.

А другой—точно сразу пойметъ:
Вздрогнутъ плечи, рука у него;
Обернется – и нѣтъ ничего;
Между тѣмъ—безпокойство растетъ.

Тѣмъ и страшенъ невидимый взглядъ,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою слѣдятъ.

Не корысть—не влюбленность, не месть;
Такъ—игра, какъ игра у дѣтей:
И въ собраніи каждомъ людей
Эти тайные сыщики есть.

Ты и самъ иногда не поймешь,
Отчего такъ бываетъ порой,
Что собою ты къ людямъ придешь,
А уйдешь отъ людей—не собой.

Есть дурной и хорошій есть глазъ,
Только бъ лучше ни чей не слѣдилъ:
Слишкомъ много есть въ каждомъ изъ насъ
Неизвѣстныхъ, играющихъ силъ.

И пока—въ неизвѣстномъ живемъ
И не вѣдаемъ силъ мы своихъ
И, какъ дѣти, играя съ огнемъ,
Обжигаемъ себя и другихъ.

ЧЕРНАЯ КРОВЬ.

I.

Въ полъ-оборота ты встала ко мнѣ.
Грудь и рука твоя видится мнѣ.

Нѣтъ, опустилъ я напрасно глаза,
Дышитъ, преслѣдуетъ, близко — гроза!

Взоръ мой горитъ у тебя на щекѣ,
Трепетъ бѣжитъ по дрожащей рукѣ.

Ширится кругъ твоего мнѣ огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Нѣтъ, не смиритъ эту черную кровь
Даже свиданіе, даже — любовь!

2.

Даже имя твое мнѣ презрѣнно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воетъ потокъ многопѣнный,
Изъ пустыни подходитъ гроза.

Глазъ молчитъ, золотистый и карій,
Горла тонкіе ищутъ персты...
Подойди. Подползи. Я ударю—
И, какъ кошка, ощеришься ты.

3.

Испугомъ схвачена, влекома
Въ водоворотъ...
Какъ эта комната знакома!
И все навѣкъ пройдетъ?

И, въ ужасѣ, несвязно шепчетъ
И, скрывъ лицо,
Пугливыхъ рукъ свиваетъ крѣпче
Пѣвучее кольцо...

...И утра первый лучъ звенящій
Сквозь желтыхъ шторъ...
И чертитъ Богъ на тѣлѣ спящей
Свой свѣтовой узоръ.

4.

Ночь, какъ вѣка, и томный трепетъ,
И страстный бредъ,
Устъ о блаженно-странномъ лепетъ,
Въ окнѣ—старинный, слабый свѣтъ.

Несбыточныя увѣренья,
Нѣтъ, не слова,—
То, что теряетъ все значенье,
Забрежжитъ блѣдный день едва...

Тогда—во взглядѣ глазъ усталомъ—
Твоя въ немъ ложь!
Тогда мой ротъ извивомъ алымъ
На твой таинственно похожъ!

5.

Надъ лучшимъ созданіемъ Божьимъ
Извѣдалъ я силу презрѣнья,
Я палкой ударилъ ее.

Поспѣшно одѣлась. Уходитъ.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизыя окна мои.

И нѣтъ ея. Въ сизыя окна
Вливается вечеръ ненастный,
А дальше, за мракомъ ненастья,
Горитъ заревая кайма.

Далекіе, влажные долы
И близкое, бурное счастье!
Одинъ я стою и внимаю
Тому, что мнѣ скрипки поютъ.

Поютъ онѣ дикія пѣсни
О томъ, что свободнымъ я сталъ,
О томъ, что на лучшую долю
Я низкую страсть промѣнялъ!

———

ВОЗМЕЗДІЕ.

О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ
Я забывалъ на горестной землѣ,
Когда твое лицо въ простой оправѣ
Передо мной сіяло на столѣ.

Но часъ насталъ, и ты ушла изъ дому.
Я бросилъ въ ночь завѣтное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забылъ прекрасное лицо.

Летѣли дни, крутясь проклятымъ роемъ...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнилъ я тебя предъ аналоемъ,
И звалъ тебя, какъ молодость свою...

Я звалъ тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лилъ, но ты не снизошла.
Ты въ синій плащъ печально завернулась,
Въ сырую ночь ты изъ дому ушла.

Не знаю, гдѣ пріютъ своей гордынѣ
Ты, милая, ты, нѣжная, нашла...
Я крѣпко сплю, мнѣ снится плащъ твой синій
Въ которомъ ты въ сырую ночь ушла...

Ужъ не мечтать о нѣжности, о славѣ,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо въ его простой оправѣ
Своей рукой убралъ я со стола.

Она, какъ прежде, захотѣла
Вдохнуть дыханіе свое
Въ мое измученное тѣло,
Въ мое холодное жилье.

Какъ небо, встала надо мною,
А я не могъ навстрѣчу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковалъ о ней...

Земное сердце уставало
Такъ много лѣтъ, такъ много дней...
Земное счастье запоздало
На тройкѣ бѣшеной своей!

Я, наконецъ, смертельно боленъ,
Дышу инымъ, инымъ томлюсь,
Закатомъ солнечнымъ доволенъ
И вѣчной ночи не боюсь...

Мнѣ вѣчность заглянула въ очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костеръ волненья залила...

Ночь, какъ ночь, и улица пустынна.
Такъ всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплетъ мгла съ карнизовъ.
Я и самъ
Собираюсь бросить злобный вызовъ
Небесамъ.

Всѣ на свѣтѣ, всѣ на свѣтѣ знаютъ:
Счастья нѣтъ.
И который разъ въ рукахъ сжимаютъ
Пистолетъ!

И который разъ, смѣясь и плача,
Вновь живутъ!
День, какъ день; вѣдь рѣшена задача:
Всѣ умрутъ.

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрамъ забываю свои вечера,
Въ бѣлый день забываю огни,
По ночамъ забываю дни,

Но всѣ ночи и дни наплываютъ на насъ
Передъ смертью, въ торжественный часъ.
И тогда—въ духотѣ, въ тѣснотѣ
Слишкомъ больно мечтать
О былой красотѣ
И не мочь:
Хочешь встать—
И ночь.

Я—Гамлетъ. Холодѣетъ кровь,
Когда плететъ коварство сѣти,
И въ сердцѣ—первая любовь
Жива—къ единственной на свѣтѣ.

Ее, Офелію мою,
Увелъ далеко жизни холодъ,
И гибну, принцъ, въ родномъ краю
Клинкомъ отравленнымъ заколотъ.

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА.

Когда подъ заступомъ холоднымъ
Скрипѣлъ песокъ и яркій снѣгъ,
Во мнѣ, печальномъ и свободномъ,
Еще смирялся человѣкъ.

Пусть эта смерть была понятна,—
Въ душѣ подъ пѣсни панихидъ,
Ужь проступали злыя пятна
Незабываемыхъ обидъ.

Уже съ угрозою сжималась
Доселѣ добрая рука.
Ужь подымалась и металась
Въ душѣ отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвенію предамъ.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночамъ.

Но—быть колѣнопреклоненнымъ,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нѣтъ. Надъ младенцемъ, надъ блаженнымъ,
Скорбѣть я буду безъ Тебя.

Февраль 1909.

Не спятъ, не помнятъ, не торгуютъ.
Надъ чернымъ городомъ, какъ стонъ,
Стоитъ, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звонъ.

Надъ человѣческимъ созданьемъ,
Которое Онъ въ землю вбилъ,
Надъ смрадомъ, смертью и страданьемъ
Трезвонятъ до потери силъ...

Надъ міровою чепухою;
Надъ всѣмъ, чему нельзя помочь;
Звонятъ надъ шубкой мѣховою,
Въ которой ты была въ ту ночь.

Ревель.

Когда я прозрѣвалъ впервые,
Навстрѣчу жаждущей мечтѣ
Лучи метнулись заревые
И трубный ангелъ въ высотѣ.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубымъ смѣхомъ исказила
Все, чѣмъ жива была мечта.

Замолкли ангельскія трубы,
Нѣмотствуетъ дневная ночь.
Верни мнѣ, жизнь, хоть смѣхъ беззубый,
Чтобъ въ тишинѣ не изнемочь!

Евг. Иванову.

Когда, вступая въ міръ огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь въ уголъ темный
И смерти ждешь изъ темноты;

Когда ты злóбенъ, или бóленъ,
Тоской иль страстію палимъ,—
Повѣрь: тогда еще ты воленъ
Гордиться счастіемъ своимъ!

Когда жъ ни скукой, ни любóвью,
Ни страхомъ ужь не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не бы́строй кровью,—

Тогда—ограбленъ ты и нагъ:
Смерть не возможна безъ томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Такъ—только замедляетъ шагъ.

Здѣсь духъ мой злобный и упорный
Тревожитъ смѣхомъ тишину;
И, откликаясь, воронъ черный
Качаетъ мертвую сосну;

Внизу клокочутъ водопады,
Точа гранитъ и корни древъ;
И на камняхъ поютъ наяды
Безполый гимнъ безмужнихъ дѣвъ;

И въ этомъ гулѣ водъ холодныхъ,
Въ постыломъ крикѣ воронья,
Подъ рыбьимъ взоромъ дѣвъ безплодныхъ
Тихонько тлѣетъ жизнь моя!

Весенній день прошелъ безъ дѣла
У неумытаго окна;
Скучала за стѣной и пѣла,
Какъ птица плѣнная, жена.

Я, не спѣша, собралъ безстрастно
Воспоминанья и дѣла;
И стало безпощадно ясно:
Жизнь прошумѣла и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будетъ скучно и темно;
Къ чему спускать на окнахъ шторы?
День догорѣлъ въ душѣ давно.

Ты въ комнатѣ одинъ сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.

Зачѣмъ за дверью свѣтъ погасъ?
Не бойся!
Я твой давно забытый часъ,
Стучусь—откройся.

Я знаю, ты теперь въ бреду,
Мятежный!
Я все равно къ тебѣ войду,
Старинный другъ и нѣжный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты былъ такъ молодъ...
Ты сѣлъ на бѣлаго коня
И щеки жегъ осенній холодъ!

Ты полетѣлъ туда, туда,—
Въ янтарь закатный!
Немудрый, зналъ ли ты тогда
Свой нищій путь возвратный?

Теперь ты мудръ: не прекословь—
Что толку въ спорѣ?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачѣмъ склонился ты лицомъ
Такъ низко?
Утѣшься: вѣтеръ за окномъ—
То трубы смерти близкой!

Открой, отвѣть на мой вопросъ:
Твой день былъ ярокъ?
Я саванъ царственный принесъ
Тебѣ въ подарокъ!

Чѣмъ больше хочешь отдохнуть,
Тѣмъ жизнь страшнѣй, тѣмъ жизнь страшнѣй,
Сырой туманъ ползетъ съ полей,
Сырой туманъ вползаетъ въ грудь
По бархату ночей.

Забудь о томъ, что жизнь была,
О томъ, что будетъ жизнь, забудь...
Съ полей ползетъ ночная мгла...
Одно, одно—
Уснуть, уснуть...
Но все равно—
Разбудитъ кто-нибудь.

Тамъ человѣкъ сгорѣлъ.

Фетъ.

Какъ тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшимъ,
И объ игрѣ трагической страстей
Повѣствовать еще нежившимъ.

И, вглядываясь въ свой ночной кошмаръ,
Строй находить въ нестройномъ вихрѣ чувства,
Чтобы по блѣднымъ заревамъ искусства
Узнали жизни гибельной пожаръ!

ШАГИ КОМАНДОРА.

В. А. Зоргенфрею.

Тяжкій плотный занавѣсъ у входа,
За ночнымъ окномъ—туманъ.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страхъ познавшій Донъ-Жуанъ?

Холодно и пусто въ пышной спальнѣ,
Слуги спятъ и ночь глуха.
Изъ страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пѣнье пѣтуха...

Что измѣннику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спитъ, скрестивъ на сердцѣ руки,
Донна Анна видитъ сны...

Чьи черты жестокія застыли,
Въ зеркалахъ отражены?
Анна, Анна, сладко-ль спать въ могилѣ?
Сладко-ль видѣть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рокъ!
И въ отвѣтъ побѣдно и влюбленно—
Въ снѣжной мглѣ поетъ рожокъ..

Пролетаетъ, брызнувъ въ ночь огнями,
Черный, тихій, какъ сова, моторъ.
Тихими, тяжелыми шагами
Въ домъ вступаетъ Командоръ...

Настежь дверь. Изъ непомѣрной стужи,
Словно хриплый бой ночныхъ часовъ—
Бой часовъ:—Ты звалъ меня на ужинъ.
— Я пришелъ. А ты готовъ?..

На вопросъ жестокій нѣтъ отвѣта,
Нѣтъ отвѣта—тишина.
Въ пышной спальнѣ страшно въ часъ разсвѣта,
Слуги спятъ, и ночь блѣдна.

Въ часъ разсвѣта холодно и странно,
Въ часъ разсвѣта—ночь мутна.
Дѣва Свѣта! Гдѣ ты, донна Анна?
Анна! Анна!—Тишина.

Только въ грозномъ утреннемъ туманѣ
Бьютъ часы въ послѣдній разъ:
— Донна Анна въ смертный часъ твой встанетъ.
— Анна встанетъ въ смертный часъ.

Какъ растетъ тревога къ ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совѣсть мучитъ, жизнь хлопочетъ.
На луну взглянуть нѣтъ мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то въ мірѣ происходитъ.
Утромъ страшно мнѣ раскрыть
Листъ газетный. Кто то хочетъ
Появиться, кто-то бродитъ.
Иль—раздумалъ, можетъ быть?

Гость безсонный, полъ скрипучій?
Ахъ, не все ли мнѣ равно!
Вновь сдружусь съ кабацкой скрипкой,
Монотонной и пѣвучей!
Вновь я буду пить вино!

Все равно, не хватитъ силы
Дотащиться до конца
Съ трезвой, лживою улыбкой,
За которой—страхъ могилы,
Безпокойство мертвеца.

———

Какъ свершилось, какъ случилось?
Былъ я бѣденъ, слабъ и малъ.
Но Величій нѣкихъ тайна
Мнѣ до времени открылась.
Я Высокое позналъ.

Недостойный рабъ, сокровищъ
Мнѣ врученныхъ не храня,
Былъ я царь и стражъ случайный.
Сонмы лютые чудовищъ
Налетѣли на меня.

Приручилъ я чарой лестью
Тѣхъ, кто первые пришли.
Но не счесть намъ вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинувъ стражу, къ ночи
Я пошелъ во вражій станъ.
Ночь курилась, какъ кадило.
Ослѣпительныя очи
Повлекли меня въ туманъ.

Падшій ангелъ, былъ я встрѣченъ
Въ станѣ ихъ, какъ юный богъ.
Какъ прекрасный небожитель,
Я царицей былъ замѣченъ,
Я входилъ въ ея чертогъ,

Въ тотъ чертогъ, который въ пепелъ
Обратится на землѣ.
Но не спалъ мой грозный Мститель:
Ликъ Его былъ гнѣвно-свѣтелъ
Въ эти ночи на скалѣ.

И разсвѣтъ мнѣ въ очи глянулъ,
Наступилъ мой скудный день.
Только крылъ раздался трепетъ,
Кто-то мимо въ небо канулъ,
Какъ разгнѣванная тѣнь.

Было долгое томленье.
Думалъ я: не будетъ дня.
Бредъ безумный, страстный лепетъ,
Клятвы, пени, увѣренья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула,—и вдругъ
День жестокій, день желѣзный
Вкругъ меня неумолимо
Очертилъ замкнутый кругъ.

Нѣтъ конца и нѣтъ начала,
Нѣтъ исхода—сталь и сталь.

И пустыней безполезной
Душу бѣдную обстала
Прежде милая мнѣ даль.

Не таюсь я передъ вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищъ,
Обожженный языками
Преисподняго огня.

Гдѣ же ты? не медли болѣ.
Ты, какъ я, не ждешь звѣзды.
Приходи ко мнѣ, товарищъ,
Раздѣлить земной юдоли
Невеселые труды.

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ

(Die Heimkehr)

Изъ Генриха Гейне

Въ этой жизни слишкомъ темной
Свѣтлый образъ былъ со мной;
Свѣтлый образъ помутился,
Поглощенъ я тьмой ночной.

Трусятъ маленькія дѣти,
Если ихъ застигнетъ ночь,
Дѣти страхи полуночи
Громкой пѣсней гонятъ прочь.

Такъ и я, ребенокъ странный,
Пѣснь мою пою впотьмахъ;
Незатѣйливая пѣсня,
Но зато разгонитъ страхъ.

Не знаю, что значитъ такое,
Что скорбью я смущенъ;
Давно не даетъ покою
Мнѣ сказка старыхъ временъ.

Прохладой сумерки вѣютъ,
И Рейна тихъ просторъ;
Въ вечернихъ лучахъ алѣютъ
Вершины дальнихъ горъ.

Надъ страшной высотою
Дѣвушка дивной красы
Одеждой горитъ золотою,
Играетъ златомъ косы,

Золотымъ убираетъ гребнемъ
И пѣсню поетъ она;
Въ ея чудесномъ пѣньи
Тревога затаена.

Пловца на лодочкѣ малой
Дикой тоской полонитъ;
Забывая подводныя скалы,
Онъ только на верхъ глядитъ.

Пловецъ и лодочка, знаю,
Погибнутъ среди зыбей;
Такъ и всякій погибаетъ
Отъ пѣсенъ Лорелей.

Сырая ночь и буря,
Беззвѣздны небеса;
Одинъ средь шумящихъ деревьевъ,
Молча, бреду сквозь лѣса.

Свѣтикъ далекій кажетъ
Въ охотничій домикъ путь;
Мнѣ имъ прельщаться не надо,
Вѣдь скучно туда заглянуть.

Тамъ бабушка въ кожаномъ креслѣ,
Какъ изваянье страшна,
Слѣпая, сидитъ безъ движенья
И слова не молвитъ она.

Тамъ бродитъ, ругаясь, рыжій
Сынъ лѣсничаго взадъ и впередъ,
То яростнымъ смѣхомъ зальется,
То въ стѣну винтовку швырнетъ.

Тамъ плачетъ красавица—пряха,
И ленъ отсырѣлъ отъ слезъ;
У ногъ ея съ урчаньемъ
Жмется отцовскій песъ.

Красавица рыбачка,
Оставь челнокъ на пескѣ;
Посиди со мной, поболтаемъ,
Рука въ моей рукѣ.

Прижмись головкой къ сердцу,
Не бойся ласки моей;
Вѣдь каждый день ты съ моремъ
Играешь судьбой своей.

И сердце мое, какъ море,
Тамъ бури, приливъ и отливъ,
Въ его глубинахъ много
Жемчужныхъ дремлетъ дивъ.

Играетъ бу́ря танецъ,
Въ немъ свистъ и ревъ и вой;
Эй! Прыгаетъ корабликъ!
Веселый плясъ ночной.

Вздымаетъ гулкое море
Живыя горы изъ водъ;
Здѣсь пропасти чернѣютъ,
Тамъ бѣлая башня растетъ.

Молитвы, рвота и ругань
Слышны изъ каюты въ дверь;
Мечтаю, схватившись за мачту:
Попасть бы домой теперь!

———

Вечеръ пришелъ безмолвный,
Надъ моремъ туманы свились;
Таинственно ропщутъ волны,
Кто-то бѣлый тянется ввысь.

Изъ волнъ встаетъ Водяница,
Садится на берегъ со мной;
Бѣлая грудь серебрится
За ея прозрачной фатой.

Стѣсняетъ объятія, душитъ
Все крѣпче, все больнѣй—
Ты слишкомъ больно душишь,
Краса подводныхъ фей!

«Душу тебя съ силою нѣжной,
Обнимаю сильной рукой;
Этотъ вечеръ слишкомъ свѣжій,
Хочу согрѣться тобой».

Ликъ мѣсяца блѣднѣетъ
И пасмурны небеса;
Твой сумрачный взоръ влажнѣетъ,
Подводныхъ фей краса!

«Всегда онъ влаженъ и мутенъ,
Не сумрачнѣй, не влажнѣй:
Когда я вставала изъ глуби,
Въ немъ застыла капля морей».

Чайки стонутъ, море туманно,
Глухо бьетъ прибой межъ камней—
Твое сердце трепещетъ странно,
Краса подводныхъ фей!

«Мое сердце дико и странно,
Его трепетъ страненъ и дикъ,
Я люблю тебя несказанно,
Человѣческій милый ликъ».

На дальнемъ горизонтѣ,
Какъ сумеречный обманъ,
Закатный городъ и башни
Плывутъ въ вечерній туманъ.

Играетъ влажный вѣтеръ
На сѣрой быстринѣ;
Траурно плещутъ весла
Гребца на моемъ челнѣ.

Въ послѣдній проглянуло
Надъ моремъ солнце въ крови,
И я узналъ то мѣсто —
Могилу моей любви.

Тихая ночь, на улицахъ дрема,
Въ этомъ домѣ жила моя звѣзда;
Она ушла изъ этого дома,
А онъ стоитъ, какъ стоялъ всегда.

Тамъ стоитъ человѣкъ, заломившій руки,
Не сводитъ глазъ съ высоты ночной;
Мнѣ страшенъ ликъ, полный смертной муки—
Мои черты подъ невѣрной луной.

Двойникъ! Ты, призракъ! Иль недовольно
Ломаться въ мукахъ тѣхъ страстей?
Отъ нихъ давно мнѣ было больно
На этомъ мѣстѣ столько ночей!

Ты знаешь, что живу я,
И спишь спокойнымъ сномъ?
Мой старый гнѣвъ проснется,
И я сломлю мой яремъ.

Ты знаешь—въ старой пѣснѣ:
Однажды въ часъ ночной
Подругу юноша мертвый
Въ могилу взялъ съ собой?

Повѣрь, краса и диво,
Ты, чистое дитя,
Я живъ, у меня есть сила,
Сильнѣй всѣхъ мертвыхъ я!

Я Атласъ злополучный! Цѣлый міръ,
Весь міръ страданій на плечи подъемлю,
Подъемлю непосильное, и сердце
Въ груди готово разорваться.

Ты сердцемъ гордымъ самъ того желалъ!
Желалъ блаженствъ, блаженствъ безмѣрныхъ
сердцу,
Иль непомѣрныхъ—гордому—скорбей,
Такъ вотъ: теперь ты скорбенъ.

Племена уходятъ въ могилу,
Идутъ, проходятъ года,
И только любовь не вырвать
Изъ сердца никогда.

Только разъ бы тебя мнѣ увидѣть,
Склонитися къ твоимъ ногамъ,
Сказать тебѣ, умирая:
Я васъ люблю, Madame!

Три свѣтлыхъ царя изъ восточной страны
Стучались у всякихъ домишекъ,
Справлялись: какъ пройти въ Виѳлеемъ?
У дѣвочекъ всѣхъ, у мальчишекъ.

Ни старый, ни малый не могъ разсказать,
Цари прошли всѣ страны;
Любовнымъ лучемъ золотая звѣзда
Въ пути разгоняла туманы.

Надъ домомъ Іосифа встала звѣзда,
Они туда постучали;
Мычалъ бычокъ, кричало дитя,
Три свѣтлыхъ царя распѣвали.

ИТАЛЬЯНСКІЕ СТИХИ.

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.

Надпись подъ часами въ церкви
Santa Maria Novella (Флоренція).

РАВЕННА.

Все, что минутно, все, что бренно,
Похоронила ты въ вѣкахъ.
Ты, какъ младенецъ, спишь, Равенна,
У сонной вѣчности въ рукахъ.

Рабы сквозь римскія ворота
Уже не ввозятъ мозаикъ.
И догораетъ позолота
Въ стѣнахъ прохладныхъ базиликъ.

Отъ медленныхъ лобзаній влаги
Нѣжнѣе грубый сводъ гробницъ,
Гдѣ зеленѣютъ саркофаги
Святыхъ монаховъ и царицъ.

Безмолвны гробовыя залы,
Тѣнистъ и хладенъ ихъ порогъ,
Чтобъ черный взоръ блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожегъ.

Далеко отступило море,
И розы оцѣпили валъ,
Чтобъ спящій въ гробѣ Теодорихъ
О бурѣ жизни не мечталъ.

А виноградныя пустыни,
Дома и люди—все гроба.
Лишь мѣдь торжественной латыни
Поетъ на плитахъ, какъ труба.

Лишь въ пристальномъ и тихомъ взорѣ
Равеннскихъ дѣвушекъ, порой,
Печаль о невозвратномъ морѣ
Проходитъ робкой чередой.

Лишь по ночамъ, склонясь къ долинамъ,
Ведя вѣкамъ грядущимъ счетъ,
Тѣнь Данта съ профилемъ орлинымъ
О Новой Жизни мнѣ поетъ.

ДѢВУШКА изъ SPOLETO.

Строенъ твой станъ, какъ церковныя свѣчи.
Взоръ твой—мечами пронзающій взоръ.
Дѣва, не жду ослѣпительной встрѣчи—
Дай, какъ монаху, взойти на костеръ!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, какъ художникъ, смотрю за ограду,
Гдѣ ты срываешь цвѣты,—и люблю!

Мимо, все мимо—ты вѣтромъ гонима,
Солнцемъ палима—Марія! Позволь
Взору—прозрѣть надъ тобой херувима,
Сердцу—извѣдать сладчайшую боль!

Тихо я въ темныя кудри вплетаю
Тайныхъ стиховъ драгоцѣнный алмазъ.
Жадно влюбленное сердце бросаю
Въ темный источникъ сіяющихъ глазъ.

ВЕНЕЦІЯ.

1.

О, красный парусъ
Въ зеленыхъ даляхъ!
Черный стеклярусъ
На темныхъ шаляхъ!

2.

Евг. Иванову.

Холодный вѣтеръ отъ лагуны.
Гондолъ безмолвные гроба.
Я въ эту ночь—больной и юный—
Простертъ у львинаго столба.

На башнѣ, съ пѣснію чугунной,
Гиганты бьютъ полночный часъ.
Маркъ утопилъ въ лагунѣ лунной
Узорный свой иконостасъ.

Въ тѣни дворцовой галлереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходитъ Саломея
Съ моей кровавой головой.

Все спитъ—дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользящій шагъ,
Лишь голова на черномъ блюдѣ
Глядитъ съ тоской въ окрестный мракъ.

3.

Слабѣетъ жизни гулъ упорный.
Уходитъ вспять приливъ заботъ.
И нѣкій вѣтръ сквозь бархатъ черный
О жизни будущей поетъ.

Очнусь ли я въ другой отчизнѣ,
Не въ этой сумрачной странѣ?
И памятью объ этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во снѣ?

Кто дастъ мнѣ жизнь? Потомокъ дожа,
Купецъ, рыбакъ, иль іерей
Въ грядущемъ мракѣ дѣлитъ ложе
Съ грядущей матерью моей?

Быть можетъ, венецейской дѣвы
Канцоной нѣжной слухъ плѣня,
Отецъ грядущій сквозь напѣвы
Уже предчувствуетъ меня?

И неужель въ грядущемъ вѣкѣ
Младенцу мнѣ—велитъ судьба
Впервые дрогнувшія вѣки
Открыть у лѣвинаго столба?

Мать, что поютъ глухія струны?
Ужь ты мечтаешь, можетъ быть,
Меня отъ вѣтра, отъ лагуны
Священной шалью оградить?

Нѣтъ! Все, что есть, что было,—живо!
Мечты, видѣнья, думы—прочь!
Волна возвратнаго прилива
Бросаетъ въ бархатную ночь.

ПЕРУДЖІЯ.

День полувеселый, полустрадный,
Голубая гарь отъ Умбрскихъ горъ.
Вдругъ минутный ливень, вѣтръ прохладный,
За окномъ открытымъ—громкій хоръ.

Тамъ—въ окнѣ, подъ фреской Перуджино,
Черный глазъ смѣется, дышитъ грудь.
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочетъ и не смѣетъ дотянуть...

На корзинѣ—бѣлая записка:
«Questa sera... монастырь Франциска...»

———

ФЛОРЕНЦІЯ.

I.

Голубоватымъ дымомъ
Вечерній зной возносится,
Долинъ тосканскихъ царь...

Онъ мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Подъ уличный фонарь...

И вотъ уже въ долинахъ
Несмѣтный сонмъ огней,
И вотъ уже въ витринахъ
Отвѣтный блескъ камней,
И городъ скрыли горы
Въ свой сумракъ голубой,
И тѣшатся синьоры
Канцоной площадной...

Дымится пыльный ирисъ,
И легкой пѣной пѣнится
Бокалъ Хри.товыхъ слезъ...

Пляши и пой на пирѣ,
Флоренція, измѣнница,
Въ вѣнкѣ спаленныхъ розъ!..

Сведи съ ума канцоной
О преданной любви,
И сдѣлай ночь безсонной,
И струны оборви,
И бей въ свой бубенъ гулкій,
Рыданія тая!
Въ пустынномъ переулкѣ
Скорбитъ душа твоя.

2.

Флоренція, ты ирисъ нѣжный;
По комъ томился я одинъ
Любовью длинной, безнадежной
Весь день въ пыли твоихъ Кашинъ?

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить въ твоей глуши;
Уйти въ твой древній зной и въ нѣжность
Своей старѣющей души...

Но суждено намъ разлучиться,
И черезъ дальніе края
Твой дымный ирисъ будетъ сниться,
Какъ юность ранняя моя.

3.

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирисъ дымный, ирисъ нѣжный,
Благовонія струя,
Переплыть велитъ всѣ рѣки
На воздушныхъ парусахъ,
Утонуть велитъ навѣки
Въ тѣхъ вечернихъ небесахъ,
И когда предамся зною,
Голубой вечерній зной
Въ голубое голубою
Унесетъ меня волной.

4.

Жгутъ раскаленные камни
Мой лихорадочный взглядъ.
Дымные ирисы въ пламени,
Словно сейчасъ улетятъ.

О, безъисходность печали,
Знаю тебя наизусть!
Въ черное небо Италіи
Черной душою гляжусь.

5

(площадь синьоріи).

Окна ложныя на небѣ черномъ,
И прожекторъ на древнемъ дворцѣ.
Вотъ проходитъ она—вся въ узорномъ
И съ улыбкой на смугломъ лицѣ.

А вино ужь мутитъ мои взоры
И по жиламъ огнемъ разлилось...
Что мнѣ спѣть въ этотъ вечеръ, синьора?
Что мнѣ спѣть, чтобъ вамъ сладко спалось?

6.

Подъ зноемъ флорентійской лѣни
Еще бѣднѣе чувствомъ ты:
Молчатъ церковныя ступени,
Цвѣтутъ нерадостно цвѣты.

Такъ береги остатокъ чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь въ легкомъ челнокѣ искусства
Отъ скуки міра уплывешь.

MADONNA DA SETTIGNANO.

Встрѣтивъ на горномъ Тебя перевалѣ,
Мой прояснившійся взоръ
Понялъ тосканскія дымныя дали
И очертанія горъ.

Желтый платокъ Твой разубранъ цвѣтами—
Сонный то маковый цвѣтъ.
Смотришь большими, какъ небо, глазами
Бѣдному страннику вслѣдъ.

Дашь ли запреты забыть вѣковые
Вѣчному путнику—мнѣ?
Страстно твердить Твое Имя, Марія,
Здѣсь, на чужой сторонѣ?

ФЬЕЗОЛЕ.

Стучитъ топоръ, и съ кампанилъ
Къ намъ флорентійскій звонъ долинный
Плыветъ, доплылъ и разбудилъ
Сонъ золотистый и старинный.

Не такъ же ли стучалъ топоръ
Въ нагорномъ Фьезоле когда-то,
Когда впервые взоръ Беато
Флоренцію примѣтилъ съ горъ?

СІЕНА.

Въ лонѣ площади пологой
Пробивается трава.
Мѣсяцъ острый-круторогій,
Башни—свѣчи Божества.

О, лукавая Сіена,
Вся—колчанъ упругихъ стрѣлъ!
Вѣроломство и измѣна—
Твой таинственный удѣлъ!

Отъ сосѣднихъ лозъ и пашенъ
Оградясь со всѣхъ сторонъ,
Острія церквей и башенъ
Ты вонзила въ небосклонъ!

И томленьемъ духъ влюбленный
Исполняютъ образа,
Гдѣ коварныя Мадонны
Щурятъ длинные глаза:

Пусть грозитъ Младенцу буря,
Пусть грозитъ Младенцу врагъ,—
Мать глядится въ мутный мракъ,
Очи влажныя сощуря!. .

СІЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни,—
Къ плитамъ Сіенскаго собора
Свой натруженный взоръ склони.

Скажи, гдѣ мѣсто вѣчной ночи?
Вотъ здѣсь—Сивиллины уста
Въ безумномъ трепетѣ пророчатъ
О воскресеніи Христа.

Свершай свое земное дѣло,
Довольный возрастомъ своимъ.
Здѣсь подъ рѣзцомъ оцѣпенѣло
Все то, надъ чѣмъ мы ворожимъ.

Вотъ—мальчикъ надъ цвѣткомъ и съ птицей,
Вотъ—мужъ съ пергаментомъ въ рукахъ,
Вотъ—дряхлый старецъ надъ гробницей
Склоняется на двухъ клюкахъ.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придетъ онъ, строгій,
Кристально-ясный часъ любви.

———

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ—видѣнія и грезы,
Умбріи ласкающая мгла.
На оградахъ вспыхиваютъ розы,
Тонкіе поютъ колокола.

Слишкомъ рѣзвы милыя подруги,
Слишкомъ дерзокъ ихъ открытый взоръ.
Лишь она одна въ предвѣчномъ кругѣ
Ткетъ и ткетъ свой шелковый узоръ.

Робкія томятъ ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно—красныя одежды
Дрогнули на золотѣ стѣны.

Всѣмъ лицомъ склонилась надъ шелками,
Но вездѣ—сквозь золото рѣсницъ—
Вихрь ли съ многоцвѣтными крылами,
Или Ангелъ, распростертый ницъ...

Темноликій Ангелъ съ дерзкой вѣтвью
Молвитъ: Здравствуй! Ты полна красы!
И она дрожитъ предъ страстной вѣстью,
Съ плечъ упали тяжкихъ двѣ косы.

Онъ поетъ и шепчетъ—ближе, ближе,
Ужъ надъ ней—шумящихъ крылъ шатеръ...
И она безъ силъ склоняетъ ниже
Потемнѣвшій, помутнѣвшій взоръ.

Трепеща, не вѣритъ: «Я-ли, я-ли?»
И рукою закрываетъ грудь...
Но чернѣютъ пламенныя дали—
Не уйти, не встать и не вздохнуть. .

И тогда—незнаемою болью
Озарился свѣтлый кругъ лица.
А надъ ними—символъ своеволья—
Перуджійскій грифъ когтитъ тельца.

Лишь художникъ, занавѣсью скрытый,—
Онъ провидитъ страстной муки крестъ
И твердитъ:—Profani, procul ite,
Hic amoris locus sacer est.

Perudgia-Spoleto.

УСПЕНІЕ.

Ея спеленутое тѣло
Сложили въ молодомъ лѣсу.
Оно отъ мукъ помолодѣло,
Вернувъ бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
Съ волненьемъ, въ сжатые персты
Въ послѣдній разъ Архангелъ старый
Влагаетъ бѣлые цвѣты.

Златитъ далекія вершины
Прощальнымъ отблескомъ заря,
И надъ туманами долины
Встаютъ усопшихъ три царя.

Ихъ привела, какъ въ дни былые,
Другая, поздняя звѣзда.
И пастухи, уже сѣдые,
Какъ встарь, сгоняютъ съ горъ стада.

И стражей вѣчному покою
Долины заступила мгла.
Лишь межъ звѣздою и зарею
Златятся нимбы безъ числа.

А выше, по крутымъ оврагамъ
Поетъ ручей, цвѣтетъ миндаль,
И надъ открытымъ саркофагомъ
Могильный Ангелъ смотритъ въ даль.

Spoleto.

ЭПИТАФІЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ.*

Здѣсь я покоюсь, Филиппъ, живописецъ навѣки безсмертный,
Дивная прелесть моей кисти—у всѣхъ на устахъ.
Душу умѣлъ я вдохнуть искусными пальцами—въ краски,
Набожныхъ души умѣлъ—голосомъ бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядѣвшись созданья,
Принуждена меня звать мастѣромъ равнымъ себѣ.
Въ мраморномъ этомъ гробу меня упокоилъ Лаврентій
Медичи, прежде чѣмъ я въ низменный прахъ обращусь.

———

*) Эпитафія сочинена Полиціаномъ и вырѣзана на могильной плитѣ художника въ Сполетскомъ соборѣ по повелѣнію Лаврентія Великолѣпнаго. Вотъ она:

CONDITUS HIC EGO SUM PICTURE FAMA PHILIPPUS
NULLI IGNOTA MEE GRATIA MIRA MANUS
ARTIFICIS POTUI DIGITIS ANIMARE COLORES
SPERATAQUE ANIMOS FALLERE VOCE DIU
IPSA MEIS STUPUIT NATURA EXPRESSA FIGURIS
MEQUE SUIS FASSA EST ARTIBUS ESSE PAREM

MARMOREO TUMULO MEDICES LAVRENTIUS HIC ME
CONDIDIT ANTE HUMILI PULVERE TECTUS ERAM

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Когда замрутъ отчаянье и злоба,
Нисходитъ сонъ. И крѣпко спимъ мы оба
На разныхъ полюсахъ земли.

Ты обо мнѣ, быть можетъ, грезишь въ эти
Часы. Идутъ часы походкою столѣтій,
И сны встаютъ въ земной дали.

И вижу въ снахъ твой образъ, твой прекрасный,
Какимъ онъ былъ до ночи злой и страстной,
Какимъ являлся мнѣ. Смотри:

Все та же ты, какой цвѣла когда-то,
Тамъ, надъ горой туманной и зубчатой,
Въ лучахъ немеркнущей зари.

НЕ ПРИШЕЛЪ НА СВИДАНЬЕ.

Позднимъ вечеромъ ждала
У кисейнаго окна
Вплоть до ранняго утра.

Нѣту милаго—ушла.
Нѣту милаго—одна.
Даль мутна, свѣтла, сыра.

Льется, льется холодокъ.
Догораетъ огонекъ.

— Какъ онъ въ губы цѣловалъ...
— Какъ невѣстой называлъ...

Рано, холодно, свѣтло.
Вѣтеръ ломится въ стекло.

Посмотри однимъ глазкомъ,
Что тамъ съ миленькимъ дружкомъ?..

Бѣлый саванъ—снѣжный платъ.
А подъ платомъ—голова...

Ноги вытянулись врядъ...
Протянулись рукава...

Выйди, выйди изъ воротъ...
Лейся, лейся ранній свѣтъ,
Бѣлый саванъ, распухай...

Приподымешь бѣлый край—
И сомнѣній больше нѣтъ:
Провалился мертвый ротъ.

Ревель.

ЗА ГРОБОМЪ.

Божья Матерь «Утоли мои печали»
Передъ гробомъ шла, свѣтла, тиха.
А за гробомъ—въ траурной вуали
Шла невѣста, провожая жениха.

Былъ онъ только литераторъ модный,
Только словъ кощунственныхъ творецъ...
Но мертвецъ—родной душѣ народной:
Всякій свято чтитъ отца конецъ.

И навстрѣчу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лобъ.
А друзья и близкіе пылили
На икону, на нее, на гробъ...

И съ какою безконечной грустью
(Не о немъ—Богъ вѣсть о комъ?)
Приняла она слова сочувствій
И вѣнокъ случайный за вѣнкомъ...

Этихъ фразъ избитыхъ повторенья,
Никому ненужныя слова—
Возвела она въ вѣнецъ творенья,
Въ тайную улыбку Божества...

Словно здѣсь, гдѣ пѣли и кадили,
Гдѣ и грусть не можетъ быть тиха,
Убралась она фатой отъ пыли
И ждала Иного Жениха...

ДРУЗЬЯМЪ.

Молчите, проклятыя струны!
А. Майковъ.

Другъ другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А какъ бы и жить и работать,
Не зная извѣчной вражды!

Что дѣлать! Вѣдь каждый старался
Свой собственный домъ отравить,
Всѣ стѣны пропитаны ядомъ,
И негдѣ главы преклонить!

Что дѣлать! Извѣрившись въ счастье,
Отъ смѣху мы сходимъ съ ума,
И, пьяные, съ улицы смотримъ,
Какъ рушатся наши дома!

Когда жъ подъ заборомъ въ крапивѣ
Несчастныя кости сгніютъ,
Какой нибудь поздній историкъ
Напишетъ внушительный трудъ...

Вотъ только замучитъ, проклятый,
Ни въ чемъ неповинныхъ ребятъ
Годами рожденья и смерти
И ворохомъ скверныхъ цитатъ...

Зарыться бы въ свѣжемъ бурьянѣ,
Забыться бы сномъ навсегда!
Молчите, проклятыя книги!
Я васъ не писалъ никогда!

Подъ шумъ и звонъ однообразный,
Подъ городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
Въ метель, во мракъ и въ пустоту.

Я обрываю нить сознанья
И забываю, что и какъ...
Кругомъ—снѣга, трамваи, зданья,
А впереди—огни и мракъ.

Что, если я, завороженный,
Сознанья оборвавшій нить,
Вернусь домой уничиженный,—
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цѣли
Путеводительный маякъ,
Простишь ли мнѣ мои метели,
Мой бредъ, поэзію и мракъ?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
Отъ родины не увела?

Все это было, было, было,
Свершился дней круговоротъ.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернетъ?

Въ часъ утра чистый и хрустальный,
У стѣнъ Московскаго Кремля,
Восторгъ души первоначальный
Вернетъ ли мнѣ моя земля?

Иль въ ночь на Пасху, надъ Невою,
Подъ вѣтромъ, въ стужу, въ ледоходъ —
Старуха нищая клюкою
Мой трупъ спокойный шевельнетъ?

Иль на возлюбленной полянѣ
Подъ шелестъ осени сѣдой
Мнѣ тѣло въ дождевомъ туманѣ
Расклюетъ коршунъ молодой?

Иль просто въ часъ тоски беззвѣздной,
Въ какихъ-то четырехъ стѣнахъ,
Съ необходимостью желѣзной
Усну на бѣлыхъ простыняхъ?

Иль въ новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду также помнить дожей,
Какъ нынче помню Калиту?

Но вѣрю – не пройдетъ безслѣдно
Все, что такъ страстно я любилъ,
Весь трепетъ этой жизни бѣдной,
Весь этотъ непонятный пылъ.

Все на землѣ умретъ—и мать, и младость,
Жена измѣнитъ и покинетъ другъ.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь въ холодный и полярный кругъ.

Бери свой челнъ, плыви на дальній полюсъ
Въ стѣнахъ изъ льда, и тихо забывай,
Какъ тамъ любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И къ вздрагиваньямъ медленнаго хлада
Усталую ты душу пріучи,
Чтобъ было здѣсь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи.

Поздней осенью изъ гавани
Отъ заметенной снѣгомъ земли
Въ предназначенное плаванье
Идутъ тяжелые корабли.

Въ черномъ небѣ означается
Надъ водой подъемный кранъ,
И одинъ фонарь качается
На оснѣженномъ берегу,

И матросъ, на бортъ непринятый,
Идетъ, шатаясь, сквозь буранъ.
Все потеряно, все выпито!
Довольно—больше не могу!

А берегъ опустѣлой гавани
Ужь первый легкій снѣгъ занесъ.
Въ самомъ чистомъ, въ самомъ нѣжномъ саванѣ
Сладко ли спать тебѣ, матросъ?

———

НА ОСТРОВАХЪ.

Вновь оснѣженныя колонны,
Елагинъ мостъ и два огня.
И голосъ женщины влюбленный.
И хрустъ песка и храпъ коня.

Двѣ тѣни, слитыхъ въ поцѣлуѣ,
Летятъ у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я съ этой новой—съ плѣнной—съ ней.

Да, есть печальная услада
Въ томъ, что любовь пройдетъ, какъ снѣгъ.
О, развѣ, развѣ клясться надо
Въ старинной вѣрности навѣкъ?

Нѣтъ, я не первую ласкаю
И въ строгой четкости моей
Уже въ покорность не играю
И царствъ не требую у ней.

Нѣтъ, съ постоянствомъ геометра
Я числю каждый разъ безъ словъ
Мосты, часовню, рѣзкость вѣтра,
Безлюдность низкихъ острововъ.

Я чту обрядъ: легко заправить
Медвѣжью полость на лету,
И, тонкій станъ обнявъ, лукавить,
И мчаться въ снѣгъ и темноту,

И помнить узкія ботинки,
Влюбляясь въ хладные мѣха...
Вѣдь грудь моя на поединкѣ
Не встрѣтитъ шпаги жениха...

Вѣдь со свѣчей въ тревогѣ давней
Ее не ждетъ у двери мать...
Вѣдь бѣдный мужъ за плотной ставней
Ее не станетъ ревновать...

Чѣмъ ночь прошедшая сіяла,
Чѣмъ настоящая зоветъ,
Все только—продолженье бала,
Изъ свѣта въ сумракъ переходъ...

СОНЪ.

Моей матери.

Мать, и жена, и я — мы въ склепѣ
Схоронены; а жизнь идетъ
Вверху — все громче, все нелѣпѣй;
И день послѣдній настаетъ.

Чуть брежжитъ утро воскресенья,
Труба далекая слышна.
Надъ нами — красные каменья
И мавзолей изъ чугуна.

И Онъ идетъ изъ дымной дали;
И ангелы съ мечами — съ Нимъ;
Такой, какъ въ книгахъ мы читали,
Скучая и не вѣря имъ.

И слышу, мать мнѣ рядомъ шепчетъ:
— Мой сынъ, ты въ жизни былъ силенъ:
Нажми рукою сводъ покрѣпче,
И камень будетъ отваленъ.

— Нѣтъ, мать. Я задохнулся въ гробѣ,
И больше нѣтъ бывалыхъ силъ.
Молитесь и просите обѣ,
Чтобъ ангелъ камень отвалилъ.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Маріи Павловнѣ Ивановой.

Подъ насыпью, во рву некошенномъ,
Лежитъ и смотритъ, какъ живая,
Въ цвѣтномъ платкѣ, на косы брошенномъ,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шумъ и свистъ за ближнимъ лѣсомъ.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, подъ навѣсомъ.

Три яркихъ глаза набѣгающихъ —
Нѣжнѣй румянецъ, круче локонъ:
Быть можетъ, кто изъ проѣзжающихъ
Посмотритъ пристальнѣй изъ оконъ...

Вагоны шли привычной линіей,
Подрагивали и скрипѣли;
Молчали желтые и синіе;
Въ зеленыхъ плакали и пѣли.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровнымъ взглядомъ
Платформу, садъ съ кустами блеклыми,
Ее, жандарма съ нею рядомъ...

Лишь разъ гусаръ, рукой небрежною
Облокотясь на бархатъ алый,
Скользнулъ по ней улыбкой нѣжною...
Скользнулъ — и поѣздъ въ даль умчало.

Такъ мчалась юность безполезная,
Въ пустыхъ мечтахъ изнемогая...
Тоска дорожная, желѣзная
Свистѣла, сердце разрывая...

Да что — давно ужь сердце вынуто!
Такъ много отдано поклоновъ,
Такъ много жадныхъ взоровъ кинуто
Въ пустынные глаза вагоновъ...

Не подходите къ ней съ вопросами,
Вамъ все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоитъ?
Но если за моей спиною
Тотъ,— необъятною рукою
Покрывши зеркало,— стоитъ?...

Блеснетъ въ глаза зеркальный свѣтъ,
И въ ужасѣ, зажмуря очи,
Я отступлю въ ту область ночи,
Откуда возвращенья нѣтъ...

Идутъ часы, и дни и годы,
Хочу стряхнуть какой то сонъ,
Взглянуть въ лицо людей, природы,
Разсѣять сумерки временъ...

Тамъ кто-то машетъ, дразнитъ свѣтомъ
(Такъ зимней ночью, на крыльцо
Тѣнь чья-то глянетъ силуэтомъ
И быстро спрячется лицо).

Вотъ мечъ.—Онъ—былъ. Но онъ—не нуженъ.
Кто обезсилилъ руку мнѣ?—
Я помню: мелкій рядъ жемчужинъ
Однажды ночью, при лунѣ,

Больная, жалобная стужа,
И моря снѣговая гладь...
Изъ-подъ рѣсницъ сверкнувшій ужасъ—
Старинный ужасъ (дай понять)...

Слова?—Ихъ не было.—Что жъ было?—
Ни сонъ, ни явь. Вдали, вдали
Звенѣло, гасло, уходило
И отдѣлялось отъ земли...

И умерло. А губы пѣли.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенѣли
На черномъ небѣ провода)...

И вдругъ (какъ памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека,
Раздался голосъ: Ecce homo!—
Мечъ выпалъ. Дрогнула рука...

И перевязанъ шелкомъ душнымъ
(Чтобъ кровь не шла изъ черныхъ жилъ)
Я былъ веселымъ и послушнымъ,
Обезоруженный - служилъ.

Но часъ насталъ. Припоминая,
Я вспомнилъ: нѣтъ, я не слуга.
Такъ падай, перевязь цвѣтная!
Хлынь, кровь, и обагри снѣга!

Въ неувѣренномъ, зыбкомъ полетѣ
Ты надъ бездной взвился и повисъ.
Что-то древнее есть въ поворотѣ
Мертвыхъ крыльевъ, подогнутыхъ внизъ.

Какъ ты можешь летать и кружиться
Безъ любви, безъ души, безъ лица?
О, стальная, безстрастная птица,
Чѣмъ ты можешь прославить Творца?

Въ сѣрыхъ сферахъ летай и скитайся,
Пусть оркестръ на трибунѣ гремитъ,
Но подъ легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винтъ.

Ты помнишь? Въ нашей бухтѣ сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военныя суда.

Четыре — сѣрыхъ. И вопросы
Насъ волновали битый часъ,
И загорѣлые матросы
Ходили важно мимо насъ.

Міръ сталъ заманчивѣй и шире,
И вдругъ — суда уплыли прочь.
Намъ было видно: всѣ четыре
Зарылись въ океанъ и въ ночь.

И вновь обычнымъ стало море,
Маякъ уныло замигалъ,
Когда на низкомъ семафорѣ
Послѣдній отдали сигналъ.

Какъ мало въ этой жизни надо
Намъ, дѣтямъ,— и тебѣ и мнѣ.
Вѣдь сердце радоваться радо
И самой малой новизнѣ.

Случайно на ножѣ карманномъ
Найди пылинку дальнихъ странъ —
И міръ опять предстанетъ страннымъ,
Закутаннымъ въ цвѣтной туманъ!

Aber Wrach, Finistère. 1911.

О Ленорѣ, что блистала
ярче всѣхъ земныхъ огней!

Эдгаръ По.

Осенній вечеръ былъ. Подъ звукъ дождя стеклянный
Рѣшалъ все тотъ же я — мучительный вопросъ,
Когда въ мой кабинетъ, огромный и туманный,
Вошелъ тотъ джентльменъ. За нимъ — лохматый песъ.

На кресло у окна усѣлся гость устало,
И песъ у ногъ его разлегся на коверъ.
Гость вѣжливо сказалъ: «Ужель еще вамъ мало?
«Предъ Геніемъ Судьбы пора смириться, сѣръ».

«Но въ старости — возвратъ и юности, и жара»...
Такъ началъ я... но онъ настойчиво прервалъ:
«Она — все та жъ: Линоръ безумнаго Эдгара.
«Возврата нѣтъ. — Еще? Теперь я все сказалъ».

И странно: жизнь была — восторгомъ, бурей,
адомъ,
А здѣсь — въ вечерній часъ — съ чужимъ на-
единѣ —
Подъ этимъ дѣловымъ, давно спокойнымъ взгля-
домъ,
Представилась она гораздо проще мнѣ...

Тотъ джентльменъ — ушелъ. Но песъ со мной —
безсмѣнно.
Въ часъ горькій на меня уставитъ добрый
взоръ,
И лапу жесткую положитъ на колѣно,
Какъ будто говоритъ: «Пора смириться, сѣръ».

ПОСЛАНІЯ.

ЮРІЮ ВЕРХОВСКОМУ.

(При полученіи «Идиллій и Элегій»).

Дождь мелкій, разговоръ неспѣшный,
Изъ-подъ цилиндра прядь волосъ,
Смѣхъ легкій и немножко грѣшный —
Вѣдь такъ при встрѣчахъ повелось?

Но вотъ — какой-то свѣтлый геній
Съ туманнымъ факеломъ въ рукѣ
Занесъ вашъ даръ въ мой домъ осенній,
Гдѣ я — въ тревогѣ и въ тоскѣ.

И въ шумѣ осени суровомъ
Я вспомнилъ васъ, люблю уже
За каждый вашъ намекъ о новомъ
Въ старинномъ, грустномъ чертежѣ.

Мы посмѣялись, пошутили,
И всѣмъ придется, можетъ быть,
Сквозь рѣзвость томную идиллій
Въ ночь скорбную элегій плыть.

1910.

ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ.

(При полученіи «Зеркала Тѣней»).

И вновь, и вновь твой духъ таинственный
Въ глухой ночи, въ ночи пустой
Велитъ къ твоей мечтѣ единственной
Прильнуть и пить напитокъ твой.

Вновь причастись души неистовой,
И ядъ, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь въ зеркало тѣней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здѣсь бьется страсть, змѣится грусть,
Восторженная буря случая
Сулитъ конецъ, убійство — пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здѣсь стало легкою мечтой,
И поле траурнаго зеркала
Прозрачной стынетъ красотой...

А красотой безъ словъ повелѣно:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострѣлено —
Кровь обагритъ алтарь любви».

1912

ВЛАДИМІРУ БЕСТУЖЕВУ.

(Отвѣтъ).

Да, знаю я: пронзили ночь отвѣка
Незримые лучи.
Но мѣры нѣтъ страданью человѣка,
Ослѣпшаго въ ночи!

Да, знаю я, что въ тайнѣ — міръ прекрасенъ
(Я зналъ Тебя, Любовь!)
Но этотъ шаръ надъ льдомъ жестокъ и красенъ,
Какъ гнѣвъ, какъ месть, какъ кровь!

Ты вѣдаешь, что нѣкій свѣтъ струится,
Объемля все до дна,
Что ищетъ насъ, что въ свистѣ вѣтра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снѣжной ночью полонъ,
Кто заглядѣлся въ тьму,
Приснится, что не въ вѣчный свѣтъ вошелъ онъ,
А лучъ сошелъ къ нему.

1912.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ.

Былъ скрипокъ вой въ разгарѣ бала.
Виномъ и кровію дыша,
Въ ту ночь намъ судьбы диктовала
Возстанья страшная душа.

Изъ странъ чужихъ, изъ странъ далекихъ
Въ нашъ огнь вступивши снѣговой,
Въ кругу безумныхъ, томноокихъ
Ты золотою всталъ главой.

Слегка согбенъ, не старъ, не молодъ,
Весь — излученье тайныхъ силъ,
О, сколькихъ душъ пустынный холодъ
Своимъ ты холодомъ пронзилъ!

Былъ мигъ — невѣдомая сила,
Восторгомъ разрывая грудь,
Сребристымъ звономъ оглушила,
Сѣкучимъ снѣгомъ ослѣпила,
Блаженствомъ исказила путь!

И въ этотъ мигъ, въ слѣпящей вьюгѣ,
Не вѣдаю, въ какой странѣ,
Не вѣдаю, въ которомъ кругѣ,
Твой странный ликъ явился мнѣ...

И я, дичившійся доселѣ
Очей пронзительныхъ твоихъ,
Взглянулъ... И наши души спѣли
Въ тѣ дни одинъ и тотъ же стихъ.

Но миновалась нынѣ вьюга.
И горькой складкой тѣ года
Легли на сердце мнѣ. И друга
Въ тебѣ не вижу, какъ тогда.

Какъ въ годы юности, не знаю
Бездонныхъ чаръ твоей души...
Порой, какъ прежде, различаю
Пѣснь соловья въ твоей глуши..

И много чаръ, и много пѣсенъ,
И древнихъ ликовъ красоты...
Твой міръ, поистинѣ, чудесенъ!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищій, жесткій,
Въ часъ утра встрѣтившій зарю,
Теперь на пыльномъ перекресткѣ
На царскій поѣздъ твой смотрю.

1912.

АННѢ АХМАТОВОЙ.

«Красота страшна», Вамъ скажутъ —
Вы накинете лѣниво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розанъ — въ волосахъ.

«Красота проста», Вамъ скажутъ —
Пестрой шалью неумѣло
Вы укроете ребенка,
Красный розанъ — на полу.

Но, разсѣянно внимая
Всѣмъ словамъ, кругомъ звучащимъ,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не такъ страшна, чтобъ просто
Убивать; не такъ проста я,
Чтобъ не знать, какъ жизнь страшна»

1913.

И вновь — порывы юныхъ лѣтъ,
И взрывы силъ, и крайность мнѣній...
Но счастья не было — и нѣтъ.
Хоть въ этомъ больше нѣтъ сомнѣній!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегаютъ всюду.
Но если выйдешь цѣлъ — тогда
Ты, наконецъ, повѣришь чуду,

И, наконецъ, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полъ-жизни не хватило,

Что черезъ край перелилась
Восторга творческаго чаша,
И все ужъ не мое, а наше,
И съ міромъ утвердилась связь,—

И только съ нѣжною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О дѣтской той мечтѣ, о зыбкой,
Что счастіемъ привыкли звать!

НОВАЯ АМЕРИКА.

Праздникъ радостный, праздникъ великій,
Да звѣзда изъ-за тучъ не видна...
Ты стоишь подъ метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снѣгами, лѣсами, степями
Твоего мнѣ не видно лица.
Только ль страшный просторъ предъ очами,
Непонятная ширь безъ конца?

Утопая въ глубокомъ сугробѣ,
Я на утлыя санки сажусь.
Не въ богатомъ покоишься гробѣ
Ты, убогая финская Русь!

Тамъ прикинешься ты богомольной,
Тамъ старушкой прикинешься ты,
Гласъ молитвенный, звонъ колокольный,
За крестами—кресты, да кресты...

Только ладанъ твой синій и росный
Просквозитъ мнѣ порою инымъ...
Нѣтъ, не старческій ликъ и не постный
Подъ московскимъ платочкомъ цвѣтнымъ!

Сквозь земные поклоны, да свѣчи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи—
Шопотливыя, тихія рѣчи,
Запылавшія щеки твои...

Дальше, дальше... И вѣтеръ рванулся,
Черноземнымъ летя пустыремъ,
Кустъ дорожный по вѣтру метнулся,
Словно дьяконъ взмахнулъ ораремъ...

А ужъ тамъ, за рѣкой полноводной,
Гдѣ пригнулись къ землѣ ковыли,
Тянетъ гарью горючей, свободной,
Слышны гуды въ далекой дали...

Иль опять это—станъ половецкій
И татарская буйная крѣпь?
Не пожаромъ ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нѣтъ, не видно тамъ княжьяго стяга,
Не шеломами черпаютъ Донъ,
И прекрасная внучка варяга
Не клянетъ половецкій полонъ...

Нѣтъ, не вьются тамъ по вѣтру чубы,
Не пестрѣютъ въ степяхъ бунчуки...
Тамъ чернѣютъ фабричныя трубы,
Тамъ заводскіе стонутъ гудки...

Путь степной—безъ конца, безъ исхода,
Степь, да вѣтеръ, да вѣтеръ,—и вдругъ
Многоярусный корпусъ завода,
Города изъ рабочихъ лачугъ...

На пустынномъ просторѣ, на дикомъ
Ты все та, что была, и не та,
Новымъ ты обернулась мнѣ ликомъ,
И другая волнуетъ мечта...

Черный уголь—подземный мессія,
Черный уголь—здѣсь царь и женихъ,
Но не страшенъ, невѣста, Россія,
Голосъ каменныхъ пѣсенъ твоихъ!

Уголь стонетъ, и соль забѣлѣлась,
И желѣзная стонетъ руда...
То надъ степью пустой загорѣлась
Мнѣ Америки новой звѣзда!

ХУДОЖНИКЪ.

Въ жаркое лѣто и въ зиму метельную,
Въ дни вашихъ свадебъ, торжествъ, похоронъ,
Жду, чтобъ спугнулъ мою скуку смертельную
Легкій, доселѣ неслышанный звонъ.

Вотъ онъ—возникъ. И съ холоднымъ вниманіемъ
Жду, чтобъ понять, закрѣпить и убить.
И передъ зоркимъ моимъ ожиданіемъ
Тянетъ онъ еле примѣтную нить.

Съ моря ли вихрь? Или сирины райскіе
Въ листьяхъ поютъ? Или время стоитъ?
Или осыпали яблони майскія
Снѣжный свой цвѣтъ? Или ангелъ летитъ?

Длятся часы, міровое несущіе.
Ширятся звуки, движенье и свѣтъ.
Прошлое страстно глядится въ грядущее.
Нѣтъ настоящаго. Жалкаго — нѣтъ.

И, наконецъ, у предѣла зачатія
Новой души, неизвѣданныхъ силъ,—
Душу сражаетъ, какъ громомъ, проклятіе:
Творческій разумъ осилилъ — убилъ.

И замыкаю я въ клѣтку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотѣвшую смерть унести,
Птицу, летѣвшую душу спасти.

Вотъ моя клѣтка — стальная, тяжелая,
Какъ золотая, въ вечернемъ огнѣ.
Вотъ моя птица, когда-то веселая,
Обручъ качаетъ, поетъ на окнѣ.

Крылья подрѣзаны, пѣсни заучены.
Любите вы подъ окномъ постоять?
Пѣсни вамъ нравятся. Я же, измученный,
Новаго жду — и скучаю опять.

О, нѣтъ! не расколдуешь сердца ты
Ни лестію, ни красотой, ни словомъ.
Я буду для тебя чужимъ и новымъ,
Все — призракъ, все – мертвецъ, въ лучахъ мечты.

И ты уйдешь. И нѣкій саванъ бѣлый
Прижмешь къ губамъ ты, пребывая въ снахъ.
Все будетъ сномъ: что ты хоронишь тѣло,
Что ты стоишь три ночи въ головахъ.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбѣ.
Украсишь ты нѣжнѣйшими цвѣтами
Могильный холмъ, приснившійся тебѣ.

И тѣнь моя пройдетъ передъ тобою
Въ девятый день, и въ день сороковой
Неузнанной, красивой, неживою.
Такой вѣдь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погаситъ время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не тѣми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И *онъ* придетъ, знакомый, долгожданный,
Тебя будить отъ *неземного* сна.
И въ міръ другой, на мигъ благоуханный,
Тебя умчитъ послѣдняя весна.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдругъ — очнешься: пусто; нѣтъ огня;
И въ этотъ часъ, подъ ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Какъ изступленно ты протянешь руки
Въ глухую ночь, о, бѣдная моя!
Увы! Не долетаютъ жизни звуки
Къ утѣшеннымъ весной небытія.

Ты проклянешь, въ мученьяхъ невозможныхъ,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть отвѣтъ въ моихъ стихахъ тревожныхъ:
Ихъ тайный жаръ тебѣ поможетъ жить.

Кольцо существованья тѣсно:
Какъ всѣ пути приводятъ въ Римъ,
Такъ намъ заранѣе извѣстно,
Что все мы рабски повторимъ.

И мнѣ, какъ всѣмъ, все тотъ же жребій
Мерещится въ грядущей мглѣ:
Опять — любить Ее на небѣ
И измѣнить ей на землѣ.

ПОСЛѢДНЕЕ НАПУТСТВІЕ.

Боль проходитъ понемногу,
Не на вѣкъ она дана.
Есть конецъ мятежнымъ стонамъ.
Злую муку и тревогу
Побѣждаетъ тишина.

Ты смежилъ больныя вѣжды,
Ты не ждешь—она вошла.
Вотъ она—съ хрустальнымъ звономъ
Преисполнила надежды,
Свѣтлымъ кругомъ обвела.

Слышишь ты сквозь боль мученій,
Точно другъ твой, старый другъ,
Тронулъ сердце нѣжной скрипкой?
Точно легкихъ сновидѣній
Быстрый рой домчался вдругъ?

Это—легкій образъ рая,
Это—милая твоя.
Лягъ на смертный одръ съ улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Кругъ постылый бытія.

Протянуться безъ желаній,
Улыбнуться навсегда.
Чтобъ въ послѣдній разъ проплыли
Мимо, сонно, какъ въ туманѣ,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Надъ послѣднимъ миромъ ложа
И въ иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато—
Мимо, мимо, навсегда...
Человѣческая тупость—
Все, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять—коварство, слава,
Злато, лесть, всему вѣнецъ—
Человѣческая глупость,
Безысходна, величава,
Безконечна... Что жъ, конецъ?

Нѣтъ... еще лѣса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русскіе туманы,
Наши шелесты въ овсѣ...

А когда пройдетъ все мимо,
Чѣмъ тревожила земля,
Та, кого любилъ ты много,
Поведетъ рукой любимой
Въ Елисейскія поля.

Грѣшить безстыдно, непробудно,
Счетъ потерять ночамъ и днямъ,
И, съ головой отъ хмеля трудной,
Пройти сторонкой въ Божій храмъ.

Три раза преклониться долу,
Семь — осѣнить себя крестомъ,
Тайкомъ къ заплеванному полу
Горячимъ прикоснуться лбомъ.

Кладя въ тарелку грошикъ мѣдный,
Три, да еще семь разъ подъ рядъ
Поцѣловать столѣтній, бѣдный
И зацѣлованный окладъ.

А, воротясь домой, обмѣрить
На тотъ же грошъ кого-нибудь,
И пса голоднаго отъ двери,
Икнувъ, ногою отпихнуть.

И подъ лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счетъ,
Потомъ переслюнить купоны,
Пузатый отворивъ комодъ,

И на перины пуховыя
Въ тяжеломъ завалиться снѣ...—
Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ.

Петроградское небо мутилось дождемъ,
На войну уходилъ эшелонъ.
Безъ конца — взводъ за взводомъ и штыкъ за штыкомъ
Наполнялъ за вагономъ вагонъ.

Въ этомъ поѣздѣ тысячью жизней цвѣли
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... Въ закатной дали
Были дымныя тучи въ крови.

И, садясь, запѣвали «Варяга» одни,
А другіе — не въ ладъ — «Ермака»,
И кричали ура, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдругъ подъ вѣтромъ взлетѣлъ опадающій листъ,
Раскачнувшись, фонарь замигалъ,
И подъ черною тучей веселый горнистъ
Заигралъ къ отправленью сигналъ.

И военною славой заплакалъ рожокъ,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колесъ и охрипшій свистокъ
Заглушило ура безъ конца.

Ужь послѣдніе скрылись во мглѣ буфера,
И сошла тишина до утра,
А съ дождливыхъ полей все неслось къ намъ ура,
Громыхало, катилось ура.

Сентябрь 1914.

З. Н. Гиппіусъ.

Рожденные въ года глухіе
Пути не помнятъ своего.
Мы — дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи —
Забыть не въ силахъ ничего.

Испепеляющіе годы!
Безумья-ль въ васъ, надежды-ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ дней свободы—
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.

Есть нѣмота — то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взовьется съ крикомъ воронье,—
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ Царствіе Твое!

АРФЫ и СКРИПКИ.

Свирѣль запѣла на мосту,
И яблони въ цвѣту.
И ангелъ поднялъ въ высоту
Звѣзду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотрѣть въ такую глубину,
Въ такую высоту.

Свирѣль поетъ: взошла звѣзда,
Пастухъ, гони стада...
И подъ мостомъ поетъ вода:
Смотри, какія быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видѣлъ никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышалъ никогда...
Смотри, какія быстрины,
Когда ты видѣлъ эти сны?...

———

Вл. Пясту.

Май жестокій съ бѣлыми ночами!
Вѣчный стукъ въ ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвѣстность, гибель впереди!
Женщины съ безумными очами,
Съ вѣчно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
Отъ страстей моихъ освободи!

Хорошо въ лугу широкимъ кругомъ
Въ хороводѣ пламенномъ пройти,
Пить вино, смѣяться съ милымъ другомъ
И вѣнки узорные плести,
Раздарить цвѣты чужимъ подругамъ,
Страстью, грустью, счастьемъ изойти, —
Но достойнѣй за тяжелымъ плугомъ
Въ свѣжихъ росахъ по утру итти!

Не затѣмъ величалъ я себя паладиномъ,
Не затѣмъ вѣдь и ты приходила ко мнѣ,
Чтобы только рыдать надъ потухшимъ
каминомъ,
Чтобы только плясать при умершемъ огнѣ!

Или счастіе вправду невѣрно и быстро?
Или вправду я слабъ уже, боленъ и старъ?
Нѣтъ! Въ золѣ еще бродятъ послѣднія
искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнулъ пожаръ!

———

Я пригвожденъ къ трактирной стойкѣ.
Я пьянъ давно. Мнѣ все — равно.
Вонъ счастіе мое — на тройкѣ
Въ сребристый дымъ унесено...

Летитъ на тройкѣ, потонуло
Въ снѣгу временъ, въ дали вѣковъ...
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой изъ-подъ подковъ...

Въ глухую темень искры мечетъ,
Отъ искръ всю ночь, всю ночь свѣтло...
Бубенчикъ подъ дугой лепечетъ
О томъ, что счастіе прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьянымъ пьяна... пьянымъ пьяна...

ТРИ ПОСЛАНІЯ.

В.

I.

Все помнитъ о веслѣ вздыхающемъ
Мое блаженное плечо...
Подъ этимъ взоромъ убѣгающимъ
Не могъ я вспомнить ни о чемъ...

Твои движенія несмѣлыя,
Невѣрный поворотъ руля...
И уходящій въ ночи бѣлыя
Невѣрный призракъ корабля...

И въ ясномъ морѣ утопающій
Печальный станъ рыбачьихъ шхунъ...
И въ золотѣ восходномъ тающій
Безцѣльный путь, безцѣльный вьюнъ...

2.

Черный воронъ въ сумракѣ снѣжномъ,
Черный бархатъ на смуглыхъ плечахъ.
Томный голосъ пѣніемъ нѣжнымъ
Мнѣ поетъ о южныхъ ночахъ.

Въ легкомъ сердцѣ—страсть и безпечность,
Словно съ моря мнѣ поданъ знакъ.
Надъ бездоннымъ проваломъ въ вѣчность,
Задыхаясь, летитъ рысакъ.

Снѣжный вѣтеръ, твое дыханье,
Опьяненныя губы мои...
Валентина, звѣзда, мечтанье!
Какъ поютъ твои соловьи...

Страшный міръ! — Онъ для сердца тѣсенъ!
Въ немъ — твоихъ поцѣлуевъ бредъ,
Темный морокъ цыганскихъ пѣсенъ,
Торопливый полетъ комет!

3.

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархатъ и губы въ огнѣ.
Но стоитъ за плечами твоими
Иногда неизвѣстное мнѣ.

И ложится упорная гнѣвность
У меня межъ бровей на челѣ:
Она жжетъ меня, черная ревность
По твоей незнакомой землѣ.

И готовый на новыя муки,
Вспоминаю тѣ вьюги, снѣга,
Твои дикія слабыя руки,
Бормотаній твоихъ жемчуга.

И я любилъ. И я извѣдалъ
Безумный хмель любовныхъ мукъ,
И пораженья, и побѣды;
И имя: врагъ; и слово: другъ.

Ихъ было много... Что я знаю?
Воспоминанья, тѣни сна...
Я только странно повторяю
Ихъ золотыя имена.

Ихъ было много. Но одною
Чертой соединилъ ихъ я —
Одной безумной красотою,
Чье имя: страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь надъ землей,
Я видѣлъ, какъ идетъ другая
На ложе страсти роковой...

И тѣ же ласки, тѣ же рѣчи,
Постылый трепетъ жадныхъ устъ,
И примелькавшіяся плечи ..
Нѣтъ! Міръ бестрастенъ, чистъ и пустъ!

И, наполняя грудь весельемъ,
Съ вершины самыхъ снѣжныхъ скалъ
Я шлю лавину тѣмъ ущельямъ,
Гдѣ я любилъ и цѣловалъ!

ВСТРѢЧНОЙ.

Я только рыцарь и поэтъ,
Потомокъ сѣвернаго скальда.
А мужъ твой носитъ томикъ Уайльда.
Шотландскій плэдъ, цвѣтной жилетъ...
Твой мужъ — презрительный эстетъ.

Не потому ль насмѣшливъ онъ,
Что подозрителенъ безъ мѣры?
Слѣдитъ, кому отдашь поклонъ...
А я... что мнѣ его химеры!
Сегодня я въ тебя влюбленъ!

Ты вѣроломствомъ, лестью, ложью,
Какъ ризами, облечена...
Скажи мнѣ, вѣрная жена,
Дрожала ль ты завѣтной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этотъ сонный,
Ревнивый и смѣшной супругъ
Шепталъ тебѣ: — поѣдемъ, другъ...
Тебя закутавъ въ плэдъ зеленый
Отъ зимнихъ петербургскихъ вьюгъ?

И неужели послѣ бала
Твой не лукавилъ томный взглядъ,
Когда воздушный свой нарядъ
Ты съ плечъ покатыхъ опускала,
Извѣдавъ танца легкій ядъ?

Часовая стрѣлка близится къ полночи.
Свѣтлою волною всколыхнулись свѣчи.
Темною волною всколыхнулись думы.
Съ Новымъ Годомъ, сердце! Я люблю васъ тайно,
Вечера глухіе, улицы нѣмыя.
Я люблю васъ тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догорѣвшей.

Все бъ тебѣ желать веселья,
Сердце, золото мое!
Отъ похмелья до похмелья,
Отъ приволья вновь къ приволью —
Безпечальное житье!

Но низка земная келья,
Блѣдно золото твое!
Въ часъ разгульнаго веселья
Вдругъ намашетъ страстной болью,
Чернымъ крыльемъ воронье!

Все размученъ я тобою,
Подколодная змѣя!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься въ дальніе края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрикъ воронья!

Грустя и плача и смѣясь,
Звенятъ ручьи моихъ стиховъ
У ногъ твоихъ,
И каждый стихъ
Бѣжитъ, плететъ живую вязь,
Своихъ не зная береговъ.

Но сквозь хрустальныя струи
Ты далека мнѣ, какъ была.
Поютъ и плачутъ хрустали...
Какъ мнѣ создать черты твои,
Чтобъ ты прійти ко мнѣ могла
Изъ очарованной дали?

Я не звалъ тебя — сама ты
Подошла.
Каждый вечеръ — запахъ мяты,
Мѣсяцъ узкій и щербатый,
Тишь и мгла.

Словно мѣсяцъ всталъ изъ далей,
Ты пришла.
Въ ткани легкой, безъ сандалій,
За плечами трепетали
Два крыла.

На травѣ, едва примятой,
Легкій слѣдъ.
Свѣжій запахъ дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свѣтъ.

И живу съ тобою рядомъ,
Какъ во снѣ,
И живу подъ блѣднымъ взглядомъ
Долгой ночи,
Словно мѣсяцъ тамъ, надъ садомъ,
Смотритъ въ очи
Тишинѣ.

Опустись, занавѣска линялая,
На больныя герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степнымъ ковылемъ!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленымъ отравляла виномъ!

Какъ цыганка, платками узорными
Разстилалася ты предо мной,
Ой-ли косами изсиня-черными,
Ой-ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мнѣ въ шопотѣ, въ забытьи,
Неземныя ль какія слова?
Самъ не свой только былъ я, безъ памяти,
И ходила кругомъ голова...

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звѣзды, ни пути...
И кого цѣловалъ — не моя вина,
Ты, кому обѣщался, — прости...

Мой милый, будь смѣлымъ
И будешь со мной.

Я вишеньемъ бѣлымъ
Качнусь надъ тобой.

Зеленой звѣздою
Съ востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь надъ ручьемъ.

Намъ вольно, намъ больно,
Намъ сладко вдвоемъ.

Намъ въ темныя ночи
Легко умереть

И въ мертвыя очи
Другъ другу глядѣть.

Не вѣнчалъ мою голову траурный лавръ
Въ эти годы пировъ и скорбей.
Праздный слухъ былъ исполненъ громами
литавръ,
Сердце — музыкой буйныхъ страстей.

Свѣтлой ангельской лжи не знавалъ я отравъ,
Не бродилъ средь божественныхъ чащъ.
Сонъ мой длился вѣка, всѣ видѣнья собравъ
Въ свой широкій, полунощный плащъ.

И когда вамъ мерцаетъ обманчивый свѣтъ,
Знайте—вновь онъ совьется во тьму.
Беззакатнаго дня, легковѣрные, нѣтъ.
Я ночного плаща не сниму.

Покойникъ спать ложится
На бѣлую постель.
Въ окнѣ легко кружится
Спокойная метель.
Пуховымъ вѣтромъ мчится
На снѣжную постель.

Снѣжинокъ легкій пухъ
Куда летитъ, куда?
Прошли, прошли года,
Прости, безсмертный духъ,
Мятежный взоръ и слухъ!
Настало «никогда»...

И отдыхъ, милый отдыхъ
Легко прильнулъ ко мнѣ.
И воздухъ, вольный воздухъ
Вздохнулъ на простынѣ.
Прости, крылатый духъ!
Лети, безсмертный пухъ!

Ужь вечеръ свѣтлой полосою
На хладныхъ рельсахъ догоралъ.
Ты, стройная, съ тугой косою
Прошла по чернымъ пятнамъ шпалъ.
Твой быстрый взоръ огнемъ докучнымъ
Меня обжогъ и ослѣпилъ.
Мгновенье... громомъ однозвучнымъ
Насъ черный поѣздъ раздѣлилъ...
Когда же чуть дрожащимъ звономъ
Пропѣли рельсы: не забудь,
И семафоръ огнемъ зеленымъ
Мнѣ указалъ свободный путь,—
Ужь ты далеко уходила,
Уже теряла цвѣтъ трава...
Тамъ пыль взвилась, тамъ ночь вступила
Въ свои туманныя права...
Тревожный свистъ и клубы дыма
За поворотомъ на горѣ...
Напрасный мигъ, проплывшій мимо...
Огонь зеленый на зарѣ.

Здѣсь въ сумерки въ концѣ зимы
Она, да я — лишь двѣ души.
— Останься, дай посмотримъ мы,
— Какъ мѣсяцъ канетъ въ камыши!
Но въ легкомъ свистѣ камыша,
Подъ налетѣвшимъ вѣтеркомъ,
Прозрачнымъ синенькимъ ледкомъ
Подернулась ея душа...
Ушла — и нѣтъ другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: мѣсяцъ, камыши,
Да горькій запахъ миндаля.

ЧЕРЕЗЪ ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

К. М. С.

I.

Все та же озерная гладь,
Все такъ же каплетъ соль съ градиренъ.
Теперь, когда ты старъ и миренъ,
О чемъ волнуешься опять?

Иль первой страсти юный геній
Еще съ душой неразлученъ,
И ты навѣки обрученъ
Той давней, незабвенной тѣни?

Ты позови — она придетъ:
Мелькнетъ, какъ прежде, профиль важный,
И голосъ, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалыя шепнетъ.

2.

Въ темномъ паркѣ подъ ольхой
Въ часъ полуночи глухой

Бѣлый лебедь отъ весла
Спряталъ голову въ крыла.

Весь я — память, весь я — слухъ,
Ты со мной, печальный духъ,

Знаю, вижу — вотъ твой слѣдъ,
Смытый бурей столькихъ лѣтъ.

Въ тѣняхъ траурной ольхи
Сладко дышатъ мнѣ духи,

Въ листьяхъ матовыхъ шурша,
Шелеститъ еще душа.

Но за бурей страстныхъ лѣтъ —
Все, какъ призракъ, все, какъ бредъ,

Все, что было, все прошло,
Въ прудовой туманъ ушло.

3.

Когда мучительно возстали
Передо мной дѣла и дни,
И сномъ глубокимъ отъ печали
Забылся я въ лѣсной тѣни,—

Не зналъ я, что въ лѣсу дѣвичьемъ
Проходитъ память прежнихъ дней,
И, пробудясь въ игрѣ тѣней,
Услышалъ ясно въ пѣньи птичьемъ:

— Внимай страстямъ, и вѣрь, и вѣрь,
— Зови ихъ всѣми голосами,
— Стучись полночными часами,
— Въ блаженства замкнутую дверь!

Bad Nauheim 1897—1909.

4.

Бываютъ тихія минуты:
Узоръ морозный на стеклѣ;
Мечта невольно льнетъ къ чему-то,
Скучая въ комнатномъ теплѣ...

И вдругъ — туманъ сырого сада,
Желѣзный мостъ черезъ ручей;
Вся въ розахъ сѣрая ограда,
И синій, синій плѣнъ очей...

О чемъ-то шепчущія струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцѣлуи,
Твои гортанныя слова.

5.

Въ тихій вечеръ мы встрѣчались
(Сердце помнитъ эти сны).
Дерева едва вѣнчались
Первой зеленью весны.

Яснымъ заревомъ алѣя,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
Въ сны и тѣни навсегда.

Эта юность, эта нѣжность —
Что для насъ она была?
Всѣхъ стиховъ моихъ мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнитъ долгій срокъ
Поздній вечеръ надъ прудами,
Раздушенный вашъ платокъ.

Елагинъ островъ.

6.

Уже померкла ясность взора,
И скрипка подъ смычокъ легла,
И злая воля дирижера
По арфамъ вѣтеръ пронесла...

Твой очеркъ страстный, очеркъ дымный
Сквозь сумракъ ложи плылъ ко мнѣ.
И теноръ пѣлъ на сценѣ гимны
Безумнымъ скрипкамъ и веснѣ...

Когда внезапно вздохъ недальный,
Домчавшись, кровь оледенилъ,
И кто-то бѣдный и печальный
Мнѣ къ сердцу руку прислонилъ...

Когда въ гаданьи, еле зримый,
Всталъ предо мной, какъ рѣдкій дымъ,
Тотъ призракъ, тотъ непобѣдимый...
И арфы спѣли: улетимъ.

7.

Все, что память сберечь мнѣ старается,
Пропадаетъ въ безумныхъ годахъ,
Но горящимъ зигзагомъ взвивается
Эта повѣсть въ ночныхъ небесахъ.

Жизнь давно сожжена и разсказана,
Только первая снится любовь,
Какъ безцѣнный ларецъ, перевязана
Накрестъ лентою алой, какъ кровь.

И когда въ тишинѣ моей горницы
Подъ лампадой томлюсь отъ обидъ,
Синій призракъ умершей любовницы
Надъ кадиломъ мечтаній сквозитъ.

Какъ прощались, страстно клялись
Въ вѣрности любви...
Вмѣстѣ Таинъ пріобщались,
Пѣли соловьи...

Взялъ гитару на прощанье
И у струнъ исторгъ
Всѣ признанья, обѣщанья,
Всей души восторгъ...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала бъ, да не манила
Дальня сторона!

Вспоминай же, ради Бога,
Вспоминай меня,
Какъ сѣдой туманъ изъ лога
Выйдетъ до плетня...

ГОЛОСА СКРИПОКЪ.

Евг. Иванову.

Изъ длинныхъ травъ встаетъ луна
Щитомъ краснѣющимъ героя,
И буйной музыки волна
Плеснула въ море заревое.

Зачѣмъ же въ ясный часъ торжествъ
Ты злишься, мой смычокъ визгливый,
Врываясь въ міровой оркестръ
Отдѣльной пѣсней торопливой?

Учись вниманью длинныхъ травъ,
Разлейся ьъ морѣ зорь безцѣльныхъ,
Протяжный голосъ свой пославъ
Въ отчизну скрипокъ запредѣльныхъ.

НА СМЕРТЬ
КОММИССАРЖЕВСКОЙ.

Пришла порою полуночной
На крайній полюсъ, въ мертвый край.
Не вѣрили. Не ждали. Точно
Не таялъ снѣгъ, не вѣялъ май.

Не вѣрили. А голосъ юный
Намъ пѣлъ и плакалъ о веснѣ,
Какъ будто вѣтеръ тронулъ струны
Тамъ, въ незнакомой вышинѣ,

Какъ будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачутъ серафимы,
Надъ міромъ расплескавъ крыла...

Но было тихо въ нашемъ склепѣ,
И полюсъ — въ хладномъ серебрѣ.
Ушла. Отъ всѣхъ великолѣпій —
Вотъ только: крылья на зарѣ.

Что въ ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала отъ насъ?
Не знаемъ. Умеръ вешній голосъ,
Погасли звѣзды синихъ глазъ.

Да, слѣпы люди, низки тучи...
И гдѣ намъ вѣдать торжества?
Залегъ здѣсь камень бѣлъ-горючій,
Растетъ у ногъ плакунъ-трава...

Такъ спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты съ нею — съ величавой,
Съ несбыточной твоей мечтой.

А мы — что мы на этой тризнѣ?
Что можемъ знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятнѣй жизни,
Хоть погребальный факелъ — въ ночь...

Пускай хоть въ небѣ — Вѣра съ нами.
Смотри сквозь тучи: тамъ она —
Развернутое вѣтромъ знамя,
Обѣтованная весна.

Февраль 1910.

Гдѣ отдается въ длинныхъ залахъ
Безумныхъ троекъ тихій летъ,
Гдѣ вина теплятся въ бокалахъ,—
Тамъ возникаетъ хороводъ.

Шурша, звеня, вiясь, бѣлѣя,
Идутъ по медленнымъ кругамъ;
И скрипки, тая и слабѣя,
Сдаются бѣшеннымъ смычкамъ.

Одна выходитъ прочь изъ круга,
Простерши руку въ полумглу;
Избравъ назначеннаго друга,
Цвѣтокъ роняетъ на полу.

Не поднимай цвѣтка: въ немъ сладость
Забвенья всѣхъ прошедшихъ дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!...

Тамъ все — игра огня и рока,
И только въ горькій часъ обидъ
Изъ невозвратнаго далека
Печальный Ангелъ просквозитъ.

Духъ пряный марта былъ въ лунномъ кругѣ,
Подъ талымъ снѣгомъ хрустѣлъ песокъ,
Мой городъ истаялъ въ мокрой вьюгѣ,
Рыдалъ, влюбленный, у чьихъ-то ногъ.

Ты прижималась все суевѣрнѣй,
И мнѣ казалось — сквозь храпъ коня —
Венгерскій танецъ въ небесной черни
Звенитъ и плачетъ, дразня меня.

А шалый вѣтеръ, носясь надъ далью,—
Хотѣлъ онъ выжечь душу мнѣ,
Въ лицо швыряя твоей вуалью
И запѣвая о старинѣ...

И вдругъ — ты, дальняя, чужая,
Сказала съ молніей въ глазахъ:
— То душа, на послѣдній путь вступая,
— Безумно плачетъ о прошлыхъ снахъ.

Часовня на Крестовскомъ островѣ.

Сѣдыя сумерки легли
Весной на городъ блѣдный.
Автомобиль пропѣлъ вдали
Въ рожокъ побѣдный.

Глядись сквозь блѣдное окно,
Къ стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты измѣнилъ давно,
Безповоротно.

Безъ слова мысль, волненье безъ названья,
Какой ты шлешь мнѣ знакъ,
Вдругъ взбороздивъ мгновенной молньей знанья
Глухой декабрьскій мракъ?

Все призракъ здѣсь — и праздность, и забота,
И горькіе года...
Чтобъ ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

Чтобъ ни было, всю ложь, всю мудрость вѣка,
Душа, забудь, оставь...
Снамъ бытія ты предпочла отвѣка
Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытійственныхъ метаній,
Сбивающихъ съ пути,
Со знаньемъ несказанныхъ очертаній,
Какъ съ факеломъ, пройти.

Борису Садовскому.

Шаръ раскаленный, золотой
Пошлетъ въ пространство лучъ огромный,
И длинный конусъ тѣни темной
Въ пространство броситъ шаръ другой.

Таковъ нашъ безначальный міръ.
Сей конусъ — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эѳиръ
Планета плавитъ золотая...

И мнѣ страшны, любовь моя,
Твои сіяющія очи:
Ужаснѣй дня, страшнѣе ночи
Сіяніе небытія.

Моей матери.

Повеселясь на буйномъ пирѣ,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродитъ по квартирѣ,
Храня уютный уголъ мой.

Слились всѣ лица, всѣ обиды
Въ одно лицо, въ одно пятно;
И вѣтръ ночной поетъ въ окно
Напѣвы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спитъ;
Онъ льстиво шепчетъ: — Вотъ твой скитъ.
— Забудь о временномъ, о пошломъ
— И въ пѣсняхъ свято лги о прошломъ.

Вѣтръ налетитъ, завоетъ снѣгъ,
И въ памяти на мигъ возникнетъ
Тотъ край, тотъ отдаленный брегъ...
Но цвѣтъ увялъ, подъ снѣгомъ никнетъ.

И шелестятъ травой сухой
Мои старинныя болѣзни...
И ночь. И въ ночь — тропой глухой
Иду къ прикрытой снѣгомъ безднѣ...

Ночь, лѣсъ и снѣгъ. И я несу
Постылый грузъ воспоминаній...
Вдругъ — малый домикъ на полянѣ,
И дѣвочка поетъ въ лѣсу...

ИСПАНКѢ.

Не лукавь же, себѣ признаваясь,
Что на мигъ ты былъ полонъ одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Передъ рѣдкой и сытой толпой...

И въ бедро уперлася рукою,
И каблукъ застучалъ по мосткамъ,
Разноцвѣтныя ленты рѣкою
Буйно хлынули къ бѣлымъ чулкамъ...

Но, средь танца волшебствъ и наитій,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримыя нити
Между рѣдкой толпой и собой,

Чтобъ невѣдомый сѣверу танецъ,
Крикъ Handa и языкъ кастаньетъ
Понялъ только влюбленный испанецъ,
Или видѣвшій Бога поэтъ.

Есть минуты, когда не тревожитъ
Роковая насъ жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положитъ,
Кто-то ясно заглянетъ въ глаза...

И мгновенно житейское канетъ.
Словно въ темную пропасть безъ дна...
И надъ пропастью медленно встанетъ
Семицвѣтной дугой тишина...

И напѣвъ заглушенный и юный
Въ затаенной затронетъ тиши
Усыпленныя жизнію струны
Напряженной, какъ арфа, души.

Болотистымъ, пустыннымъ лугомъ
Летимъ. Одни.
Вонъ, точно карты, полукругомъ
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картамъ ночи,
Гдѣ твой маякъ...
Еще смѣлѣй намъ хлынетъ въ очи
Неотвратимый мракъ.

Онъ моремъ ночи замкнутъ — дальный
Просторъ луговъ!
И запахъ горькій и печальный
Тумановъ и духовъ,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгій видъ,
И эхо надъ пустыней звонкой
Отъ цоканья копытъ —

Все говоритъ о безпредѣльномъ,
Все хочетъ намъ помочь,
Какъ этотъ міръ, летѣть безцѣльно
Въ сіяющую ночь!

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется въ сердце вѣтеръ снѣжный,
И не спасетъ ни голосъ нѣжный,
Ни безмятежный часъ труда.

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — въ крови ..
Тоскою, страстью, огневицей
Идетъ безуміе любви...

Полъ-сердца — туча грозовая,
Подъ ней — все глушь, все нѣмота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, ужь не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всемъ другой послушна
Доселѣ гордая душа!

———

СѢДОЕ УТРО.

Утро туманное, утро сѣдое...

Тургеневъ.

Утрѣетъ. Съ Богомъ! По домамъ!
Позвякиваютъ колокольцы.
Ты хладно жмешь къ моимъ губамъ
Свои серебряныя кольцы,
И я — который разъ подъ-рядъ —
Цѣлую кольцы, а не руки...
Въ плечѣ, откинутомъ назадъ, —
Задоръ свободы и разлуки,
Но, еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взглядъ, какъ уголь подъ золой,
И голосъ утренній и скучный...
Нѣтъ, жизнь и счастье до утра
Я находилъ не въ этомъ взглядѣ!
Не этотъ голосъ пѣлъ вчера
Съ гитарой вмѣстѣ на эстрадѣ!...
Какъ мальчикъ, шаркнула; поклонъ

Отвѣшиваетъ .. «До свиданья...»
И звякнулъ о браслетъ жетонъ
(Какое-то воспоминанье)...
Я, молча, на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Вѣдь намъ ужъ не встрѣчаться болѣ...
Что-жъ на прощанье ей скажу?...
— Прощай, возьми еще колечко.
— Одѣнешь рученьку свою
— И смуглое свое сердечко
— Въ серебряную чешую...
— Лети, какъ пролетала, тая,
— Ночь огневая, ночь былая...
— Ты, время, память притуши,
— А путь — снѣжкомъ запороши.

Я вижу блескъ, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пѣнье,
Тотъ голосъ низкій и грудной,

Какимъ отвѣтила подруга
На первую любовь мою.
Его донынѣ узнаю
Въ тѣ дни, когда бушуетъ вьюга,

Когда былое безъ слѣда
Прошло, и лишь чужія страсти
Напоминаютъ иногда,
Напоминаютъ мнѣ — о счастьи.

Твой южный голосъ томенъ. Станъ
Напоминаетъ станъ газели,
А я пришелъ къ тебѣ изъ странъ,
Гдѣ вѣчный снѣгъ и вой метели.

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачѣмъ мнѣ имя?
Дай мнѣ тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блескъ, забытый мной,
Напоминающій напрасно
День улетѣвшій, день прекрасный,
Убитый ночью снѣговой.

Вашъ взглядъ — его мнѣ подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Вз лядомъ — вы боитесь сжечь
Межь нами вставшія преграды!

Когда же отойду подъ сѣнь
Колонны мраморной угрюмо,
И пожирающая дума
Мнѣ на лицо пагонитъ тѣнь,

Тогда — угрюмому скитальцу
Вослѣдъ скользнетъ вашъ бѣглый взглядъ,
Тревожно шелкъ зашевелятъ
Трепещущіе ваши пальцы,

Къ ланитамъ хлынувшую кровь
Не скроетъ море кружевъ душныхъ,
И я прочту въ очахъ послушныхъ
Уже ненужную любовь.

Натянулись гитарныя струны,
Сердце ждетъ.
Только тронь его голосомъ юнымъ —
Запоетъ!

И старикъ передъ хоромъ
Уже топнулъ ногой.
Обожги меня голосомъ, взоромъ,
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно въ сѣребрѣ смуглыя руки
Обвились.

КАРМЕНЪ.

(Л. А. Д.)

Какъ океанъ мѣняетъ цвѣтъ,
Когда въ нагроможденной тучѣ
Вдругъ полыхнетъ мигнувшій свѣтъ,—
Такъ сердце подъ грозой пѣвучей
Мѣняетъ строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается въ ланиты,
И слезы счастья давятъ грудь
Передъ явленьемъ Карменситы.

На небѣ — празелень, и мѣсяца осколокъ
Омытъ, въ лазури спитъ, и вѣтеръ, чуть дыша,
Проходитъ, и весна, и ледъ послѣдній колокъ,
И въ сонный входитъ вихрь смятенная душа...

Что мѣсяца нѣжнѣй, что зорь закатныхъ выше?
Знай про себя, молчи, друзьямъ не говори:
Въ послѣднемъ этажѣ, тамъ, подъ высокой крышей,
Окно, горящее не отъ одной зари...

———

Есть демонъ утра. Дымно-свѣтелъ онъ,
Золотокудрый и счастливый.
Какъ небо, синь струящійся хитонъ,
Весь — перламутра переливы.

Но, какъ ночною тьмой сквозитъ лазурь,
Такъ этотъ ликъ сквозитъ порой ужаснымъ,
И золото кудрей—червонно краснымъ,
И голосъ—рокотомъ забытыхъ бурь.

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то намъ свѣтлаго жаль,
Значитъ — теплится гдѣ-то свѣча,
И молитва моя горяча,
И цѣлую тебя я въ плеча.

Этотъ колосъ ячменный — поля,
И заливистый крикъ журавля,
Это значитъ — мнѣ ждать у плетня
До заката горячаго дня.
Значитъ — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшенъ мнѣ цвѣтъ этихъ розъ,
Это — рыжая ночь твоихъ косъ?
Это — музыка тайныхъ измѣнъ?
Это — сердце въ плѣну у Карменъ?

Среди поклонниковъ Карменъ,
Спѣшащихъ пестрою толпою,
Ее зовущихъ за собою,
Одинъ, какъ тѣнь у сѣрыхъ стѣнъ
Ночной таверны Лилласъ-Пастья,
Молчитъ и сумрачно глядитъ,
Не ждетъ, не требуетъ участья,
Когда же бубенъ зазвучитъ,
И глухо зазвенятъ запястья, —
Онъ вспоминаетъ дни весны,
Онъ средь бушующихъ созвучій
Глядитъ на станъ ея пѣвучій
И видитъ творческіе сны.

Бушуетъ снѣжная весна.
Я отвожу глаза отъ книги...
О, страшный часъ, когда она,
Читая по рукѣ Цуниги,
Въ глаза Хозе метнула взглядъ!
Насмѣшкой засвѣтились очи,
Блеснулъ зубовъ жемчужный рядъ,
И я забылъ всѣ дни, всѣ ночи,
И сердце захлеснула кровь,
Смывая память объ отчизнѣ...
А голосъ пѣлъ: «Цѣною жизни
Ты мнѣ заплатишь за любовь!»

Ты, какъ отзвукъ забытаго гимна
Въ моей черной и дикой судьбѣ.
О, Карменъ, мнѣ печально и дивно,
Что приснился мнѣ сонъ о тебѣ.

Вешній трепетъ, и лепетъ, и шелестъ,
Непробудные, дикіе сны,
И твоя одичалая прелесть—
Какъ гитара, какъ бубенъ весны!

И проходишь ты въ думахъ и грезахъ,
Какъ царица блаженныхъ временъ,
Съ головой, утопающей въ розахъ,
Погруженная въ сказочный сонъ.

Спишь, змѣею склубясь прихотливой,
Спишь въ дурманѣ и видишь во снѣ
Даль морскую и берегъ счастливый,
И мечту, недоступную мнѣ.

О, да, любовь вольна, какъ птица,
Да, все равно,—я твой!
Да, все равно, мнѣ будетъ сниться
Твой станъ, твой огневой!

Да, въ хищной силѣ рукъ прекрасныхъ,
Въ очахъ, гдѣ грусть измѣнъ,
Весь бредъ моихъ страстей напрасныхъ,
Моихъ ночей, Карменъ!

Ты встанешь бурною волною
Въ рѣкѣ моихъ стиховъ,
И я съ руки моей не смою,
Карменъ, твоихъ духовъ...

И въ тихій часъ ночной, какъ пламя,
Сверкнувшее на мигъ,
Блеснетъ мнѣ бѣлыми зубами
Твой неотступный ликъ.

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всѣхъ измѣнъ,—
Мысль обо мнѣ предстанетъ строгой,
Простой и бѣлой, какъ дорога,
Какъ дальній путь, Карменъ!

———

РОДИНА.

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ.

Выхожу я въ путь, открытый взорамъ,
Вѣтеръ гнетъ упругіе кусты,
Битый камень легъ по косогорамъ,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень въ мокрыхъ долахъ,
Обнажила кладбища земли,
Но густыхъ рябинъ въ проѣзжихъ селахъ
Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.

Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ, въ кустахъ пропавъ!
И вдали, вдали призывно машетъ
Твой узорный, твой цвѣтной рукавъ.

Кто взманилъ меня на путь знакомый,
Усмѣхнулся мнѣ въ окно тюрьмы?
Или — каменнымъ путемъ влекомый
Нищій, распѣвающій псалмы?

Нѣтъ, иду я въ путь никѣмъ не званый,
И земля да будетъ мнѣ легка!
Буду слушать голосъ Руси пьяной,
Отдыхать подъ крышей кабака!

Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ хмелю...
Надъ печалью нивъ твоихъ заплачу,
Твой просторъ навѣки полюблю...

Много насъ—свободныхъ, юныхъ, статныхъ
Умираетъ, не любя...
Пріюти ты въ даляхъ необъятныхъ!
Какъ и жить и плакать безъ тебя!

Рогачевское шоссе.
1905.

Я живу въ отдаленномъ скиту
Въ дни, когда опадаютъ листы.
Выхожу—и стою на мосту,
И смотрю на рѣчные цвѣты.

Вотъ—предчувствіе бѣлой зимы:
Тишина колокольныхъ высотъ...
Та, что нынче читала псалмы,—
Та монахиня, вѣрно, умретъ.

Безначально свободная ширь,
Слишкомъ радостной вѣстью дыша,
Подошла—и покрыла Псалтирь,
И въ страницахъ осталась душа...

Но живу я въ далекомъ скиту
И не знаю для счастья границъ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигаетъ Царицу.

———

Не мани меня ты, воля,
Не зови въ поля!
Пировать намъ вмѣстѣ что ли,
Матушка-земля?
Кудри вѣтромъ растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Бѣлая рука...
Я крестомъ касался персти,
Цѣловалъ твой прахъ.
Намъ не жить съ тобою вмѣстѣ
Въ радостныхъ поляхъ!
Лишь на мигъ въ воздушномъ мірѣ
Оглянусь, взгляну,
Какъ земля въ зеленомъ пирѣ
Празднуетъ весну, —
И пойду путемъ-дорогой,
Тягостнымъ путемъ —
Жить съ моей душой убогой
Нищимъ бѣднякомъ.

Бѣлый конь чуть ступаетъ усталой ногой,
Гдѣ безкрайная зыбь залегла.
Мнѣ болотная схима—желанный покой,
Будь ночлегомъ, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется въ ноги коня змѣевикъ.
На горѣ безмятежно поютъ голоса
Все о томъ, какъ закатъ Твой великъ.

Я съ Тобой—навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдамъ.
Въ этихъ впадинахъ тихая дремлетъ вода,
Запирая ворота безумнымъ ключамъ.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты блѣдно-лазоревый сводъ!
Знаю, вѣдаю ласку Подруги моей —
Старину озаренныхъ болотъ.

Новоселки.

Евгенію Иванову.

Вотъ Онъ—Христосъ — въ цѣпяхъ и розахъ—
За рѣшоткой моей тюрьмы.
Вотъ Агнецъ Кроткій въ бѣлыхъ ризахъ
Пришелъ и смотритъ въ окно тюрьмы.

Въ простомъ окладѣ синяго неба
Его икона смотритъ въ окно.
Убогій художникъ создалъ небо.
Но Ликъ и синее небо — одно.

Единый, Свѣтлый, немного грустный —
За Нимъ восходитъ хлѣбный злакъ,
На пригоркѣ лежитъ огородъ капустный
И березки и елки бѣгутъ въ оврагъ.

И все такъ близко и такъ далеко,
Что, стоя рядомъ, достичь нельзя,
И не постигнешь синяго Ока,
Пока не станешь самъ, какъ стезя.

Пока такой же нищій не будешь,
Не ляжешь, истоптанъ, въ глухой оврагъ,
Обо всемъ не забудешь и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, какъ мертвый злакъ.

Я зналъ ее еще тогда,
Въ тѣ баснословные года.

Тютчевъ.

Прошли года, но ты—все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И въ нихъ сверкаетъ сѣдина.

А я—склоненъ надъ грудой книжной,
Высокій, сгорбленный старикъ,—
Съ одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный ликъ.

Да. Насъ года не измѣнили.
Живемъ и дышимъ, какъ тогда
И, вспоминая, сохранили
Тѣ баснословные года...

Ихъ свѣтлый пепелъ—въ длинной урнѣ.
Нашъ свѣтлый духъ—въ лазурной мглѣ.
И все чудеснѣй, все лазурнѣй —
Дышать прошедшимъ на землѣ.

РУСЬ.

Ты и во снѣ необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю,—и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ – ты почіешь, Русь.

Русь, опоясана рѣками
И дебрями окружена,
Съ болотами и журавлями,
И съ мутнымъ взоромъ колдуна,

Гдѣ разноликіе народы
Изъ края въ край, изъ дола въ долъ
Ведутъ ночные хороводы
Подъ заревомъ горящихъ селъ.

Гдѣ вѣдуны съ ворожеями
Чаруютъ злаки на поляхъ,
И вѣдьмы тѣшатся съ чертями
Въ дорожныхъ снѣговыхъ столбахъ,

Гдѣ буйно заметаетъ вьюга
До крыши—утлое жилье,
И дѣвушка на злого друга
Подъ снѣгомъ точитъ лезвее.

Гдѣ всѣ пути и всѣ распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящій въ голыхъ прутьяхъ,
Поетъ преданья старины...

Такъ—я узналъ въ моей дремотѣ
Страны родимой нищету
И въ лоскутахъ ея лохмотій
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протопталъ,
И тамъ, на кладбищѣ ночуя,
Подолгу пѣсни распѣвалъ.

Живую душу укачала,
Русь, на своихъ просторахъ, ты,
И вотъ, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю—и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ—почиваетъ Русь,
Она и въ снахъ необычайна.
Ея одежды не коснусь.

Ты отошла, и я въ пустынѣ
Къ песку горячему приникъ.
Но слова гордаго отнынѣ
Не можетъ вымолвить языкъ.

О томъ, что было, не жалѣя,
Твою я понялъ высоту:
Да. Ты—родная Галилея
Мнѣ—невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкаетъ,
Пусть множитъ дикую молву:
Сынъ Человѣческій не знаетъ,
Гдѣ приклонить ему главу.

Май 1907.

Въ густой травѣ пропадешь съ головой.
Въ тихій домъ войдешь, не стучась...
Обниметъ рукой, оплететъ косой
И, статная, скажетъ:—Здравствуй, князь.

— Вотъ здѣсь у меня—кустъ бѣлыхъ розъ.
— Вотъ здѣсь вчера—повилика вилась.
— Гдѣ былъ, пропадалъ? что за вѣсть принесъ?
— Кто любитъ, не любитъ, кто гонитъ насъ?

Какъ бывало, забудешь, что дни идутъ,
Какъ бывало простишь, кто гордъ и золъ.
И смотришь—тучи вдали встаютъ,
И слушаешь пѣсни далекихъ селъ...

Заплачетъ сердце по чужой сторонѣ,
Запросится въ бой—зоветъ и манитъ.
Только скажетъ:—Прощай. Вернись ко мнѣ.
И опять за травой колокольчикъ звенитъ...

———

Когда въ листвѣ сырой и ржавой
Рябины заалѣетъ гроздь,—
Когда палачъ рукой костлявой
Вобьетъ въ ладонь послѣдній гвоздь,—

Когда надъ рябью рѣкъ свинцовой,
Въ сырой и сѣрой высотѣ,
Предъ ликомъ родины суровой
Я закачаюсь на крестѣ,—

Тогда—просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертныхъ слезъ,
И вижу: по рѣкѣ широкой
Ко мнѣ плыветъ въ челнѣ Христосъ.

Въ глазахъ—такія же надежды,
И то же рубище на немъ.
И жалко смотритъ изъ одежды
Ладонь, пробитая гвоздемъ.

Задебренныя лѣсомъ кручи:
Когда-то тамъ, на высотѣ,
Рубили дѣды срубъ горючій
И пѣли о своемъ Христѣ.

Теперь пастушій кнутъ не свистнетъ,
И пѣсни не споетъ свирѣль.
Лишь мохъ сырой съ обрыва виснетъ,
Какъ вѣдьмы сбитая кудель.

Навѣки непробудной тѣнью
Рѣсницы мховъ опушены,
Спятъ, убаюканные лѣнью
Людской врагини—тишины.

И человѣкъ печальной цапли
Съ болотной кочки не спугнетъ,
Но въ каждой тихой, ржавой каплѣ—
Зачало рѣкъ, озеръ, болотъ.

И капли ржавыя, лѣсныя,
Родясь въ глуши и темнотѣ
Несутъ испуганной Россіи
Вѣсть о сжигающемъ Христѣ.

НА ПОЛѢ КУЛИКОВОМЪ.

I.

Рѣка раскинулась. Течетъ, груститъ лѣниво
И моетъ берега.
Надъ скудной глиной желтаго обрыва
Въ степи грустятъ стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!
Нашъ путь—стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.

Нашъ путь степной, нашъ путь—въ тоскѣ безбрежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!
И даже мглы—ночной и зарубежной—
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами
Степную даль.
Въ степномъ дыму блеснетъ святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вѣчный бой! Покой намъ только снится
Сквозь кровь и пыль.
Летитъ, летитъ степная кобылица
И мнетъ ковыль...

И нѣтъ конца! Мелькаютъ версты, кручи...
Останови!
Идутъ, идутъ испуганныя тучи,
Закатъ въ крови!

Закатъ въ крови! Изъ сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нѣтъ! Степная кобылица
Несется вскачь!

2.

Мы, самъ другъ, надъ степью въ полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назадъ.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричатъ...

На пути — горючій бѣлый камень.
За рѣкой — поганая орда.
Свѣтлый стягъ надъ нашими полками
Не взыграетъ больше никогда.

И къ землѣ склонившись головою,
Говоритъ мнѣ другъ: — Остри свой мечъ,
— Чтобъ не даромъ биться съ татарвою,
— За святое дѣло мертвымъ лечь!

Я—не первый воинъ, не послѣдній,
Долго будетъ родина больна.
Помяни-жъ за раннею обѣдней
Мила друга, свѣтлая жена!

3.

Въ ночь, когда Мамай залегъ съ ордою
Степи и мосты,
Въ темномъ полѣ были мы съ Тобою,—
Развѣ знала Ты?

Передъ Дономъ темнымъ и зловѣщимъ,
Средь ночныхъ полей
Слышалъ я Твой голосъ сердцемъ вѣщимъ
Въ крикахъ лебедей.

Съ полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночныя птицы
Рѣяли вдали.
А надъ Русью тихія зарницы
Князя стерегли.

Орлій клекотъ надъ татарскимъ станомъ
Угрожалъ бѣдой,
А Непрядва убралась туманомъ,
Что княжна фатой.

И съ туманомъ надъ Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла въ одеждѣ, свѣтъ струящей,
Не спугнувъ коня.

Серебромъ волны блеснула другу
На стальномъ мечѣ,
Освѣжила пыльную кольчугу
На моемъ плечѣ.

И когда, на утро, тучей черной
Двинулась орда,
Былъ въ щитѣ Твой ликъ нерукотворный
Свѣтелъ навсегда.

4.

Опять съ вѣковою тоскою
Пригнулись къ землѣ ковыли.
Опять за туманной рѣкою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали безъ вѣсти
Степныхъ кобылицъ табуны,
Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербной луны.

И я съ вѣковою тоскою,
Какъ волкъ подъ ущербной луной,
Не знаю, что дѣлать съ собою,
Куда мнѣ летѣть за тобой!

Я слушаю рокоты сѣчи
И трубные крики татаръ,
Я вижу надъ Русью далече
Широкій и тихій пожаръ.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на бѣломъ конѣ...
Встрѣчаются вольныя тучи
Во мглистой ночной вышинѣ.

Вздымаются свѣтлыя мысли
Въ растерзанномъ сердцѣ моемъ,
И падаютъ свѣтлыя мысли,
Сожженныя темнымъ огнемъ...

— Явись, мое дивное диво!
— Быть свѣтлымъ меня научи!
Вздымается конская грива...
За вѣтромъ взываютъ мечи...

5.

И мглою бѣдъ неотразимыхъ
Грядущій день заволокло.

Вл. Соловьевъ.

Опять надъ полемъ Куликовымъ
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облакомъ суровымъ,
Грядущій день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высокихъ и мятежныхъ дней!
Надъ вражьимъ станомъ, какъ бывало,
И плескъ, и трубы лебедей.

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались.
Доспѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ.
Теперь твой часъ насталъ.—Молись!

1908.

РОССІЯ.

Опять, какъ въ годы золотые,
Три стертыхъ треплются шлеи,
И вязнутъ спицы росписныя
Въ расхлябанныя колеи...

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя,—
Какъ слезы первыя любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу...
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманитъ и обманетъ,—
Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты...

Ну, что-жъ? Одной заботой болѣ—
Одной слезой рѣка шумнѣй,
А ты все та же—лѣсъ, да поле,
Да платъ узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснетъ въ дали дорожной
Мгновенный взоръ изъ-подъ платка,
Когда звенитъ тоской острожной
Глухая пѣсня ямщика.

ОСЕННІЙ ДЕНЬ.

Идемъ по жнивью, не спѣша.
Съ тобою, другъ мой скромный,
И изливается душа,
Какъ въ сельской церкви темной.

Осенній день высокъ и тихъ,
Лишь слышно—воронъ глухо
Зоветъ товарищей своихъ,
Да кашляетъ старуха.

Овинъ разстелетъ низкій дымъ,
И долго подъ овиномъ
Мы взоромъ пристальнымъ слѣдимъ
За летомъ журавлинымъ.

Летятъ, летятъ косымъ угломъ,
Вожакъ звенитъ и плачетъ...
О чемъ звенитъ, о чемъ, о чемъ?
Что плачъ осенній значитъ?

И низкихъ нищихъ деревень
Не счесть, не смѣрить окомъ,
И свѣтитъ въ потемнѣвшій день
Костеръ въ лугу далекомъ...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бѣдная моя жена,
О чемъ ты горько плачешь?

Не уходи. Побудъ со мною.
Я такъ давно тебя люблю.

Дымъ отъ костра струею сизой
Струится въ сумракъ, въ сумракъ дня.
Лишь бархатъ алый алой ризой,
Лишь свѣтъ зари—покрылъ меня.

Все, все обманъ, сѣдымъ туманомъ
Ползетъ печаль угрюмыхъ мѣстъ.
И ель крестомъ, крестомъ багрянымъ
Кладетъ на даль воздушный крестъ...

Подруга, на вечернемъ пирѣ,
Помедли здѣсь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшномъ мірѣ,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри съ печальною усладой,
Какъ въ свѣтъ зари вползаетъ дымъ.
Я огражу тебя оградой—
Кольцомъ изъ рукъ, кольцомъ стальнымъ

Я огражу тебя оградой—
Кольцомъ живымъ, кольцомъ изъ рукъ.
И намъ, какъ дымъ, струиться надо
Сѣдымъ туманомъ—въ алый кругъ.

Русь моя, жизнь моя, вмѣстѣ ль намъ маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермакъ, да тюрьма!
Эхъ, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или въ Бога ты вѣрила?
Что тамъ услышишь изъ пѣсенъ твоихъ?
Чуть начудила, да Меря намѣрила
Гатей, дорогъ, да столбовъ верстовыхъ...

Лодки, да грады по рѣкамъ рубила ты,
Но до Царьградскихъ святынь не дошла...
Соколовъ, лебедей въ степь распустила ты –
Кинулась изъ степи черная мгла...

За море Черное, за море Бѣлое
Въ черныя ночи и бѣлые дни
Дико глядится лицо онѣмѣлое,
Очи татарскія мечутъ огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь надъ становьемъ твоимъ...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольнымъ играешься духомъ моимъ?

ПОСѢЩЕНІЕ.

Голосъ.

То не ели, не тонкія ели
На закатѣ подъемлютъ кресты,
То въ дали снѣговой заалѣли
Мои нѣжные, милый, персты.
Унесенная бѣлой метелью
Въ глубину, въ бездыханность мою,—
Вотъ я вновь надъ твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгія ночи,
Я сквозь темныя ночи—въ вѣнцѣ.
Вотъ они — еще синія очи
На моемъ постарѣвшемъ лицѣ!
Въ твоемъ голосѣ - возгласы моря,
На лицѣ твоемъ—жала огня,
Но читаю въ испуганномъ взорѣ,
Что ты помнишь и любишь меня!

Второй голосъ.

Старый домъ мой пропизанъ метелью,
И остылъ одинокій очагъ.

Я привыкъ, чтобъ надъ этой постелью
Наклонялся лишь пристальный врагъ.
И душа для видѣній ослѣпла,
Если вспомню,— лишь вѣтръ налетитъ,
Лишь рубинъ раскаленный изъ пепла
Мой обугленный ликъ опалитъ!
Я не смѣю взглянуть въ твои очи,
Все, что было,—далеко оно.
Долгихъ лѣтъ нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

с. Шахматово.

Тамъ неба освѣтленный край
Средь дымныхъ пятенъ.
Тамъ разговоръ гусиныхъ стай
Такъ внятенъ.

Свободенъ, веселъ и силенъ,
Въ дали любимой
Я слышу непомѣрный звонъ
Неуслѣдимый.

Тамъ осень сумрачнымъ перомъ
Широко рѣетъ,
Тамъ старый лѣсъ подъ топоромъ
Рѣдѣетъ.

СНЫ.

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня бъ скакнуть!

Лучъ лампадки, какъ въ туманѣ,
Разъ-два, разъ-два, разъ!...
Идетъ конница... а няня
Тянетъ свой разсказъ...

Внемлю сказкѣ древней, древней
О богатыряхъ
О заморской, о царевнѣ,
О царевнѣ... ахъ!

Разъ-два, разъ-два! Конникъ въ латахъ
Трогаетъ коня
И манитъ и мчитъ куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Онъ манитъ и мчитъ,
Въ дымно-синіе туманы,
Гдѣ царевна спитъ...

Спитъ въ хрустальной, спитъ въ кроваткѣ
Долгихъ сто ночей,
И зеленый свѣтъ лампадки
Свѣтитъ въ очи ей...

Подъ парчами, подъ лучами
Слышно ей сквозь сны,
Какъ звенятъ и бьютъ мечами
О хрусталь стѣны...

Съ кѣмъ тамъ бьется конникъ гнѣвный,
Бьется семь ночей?
На седьмую—надъ царевной
Свѣтлый кругъ лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи
О тюремные засовы
Звякаютъ ключи...

Сладко дремлется въ кроваткѣ.
Дремлешь?—Внемлю... сплю.
Лучъ зеленый, лучъ лампадки,
Я тебя люблю!

———

Моей матери.

Вѣтеръ стихъ и слава заревая
Облекла вонъ тѣ пруды.
Вонъ и схимникъ. Книгу закрывая,
Онъ смиренно ждетъ звѣзды.

Но бѣжитъ шоссейная дорога,
Убѣгаетъ вбокъ...
Дай вздохнуть, помедли, ради Бога,
Не хрусти, песокъ!

Славой золотѣетъ заревою
Монастырскій крестъ издалека.
Не свернуть ли къ вѣчному покою?
Да и что за жизнь безъ клобука?..

И опять влечетъ неудержимо
Вдаль изъ тихихъ мѣстъ
Путь шоссейный, пробѣгая мимо,
Мимо инока, прудовъ и звѣздъ...

Приближается звукъ. И, покорна щемящему
звуку,
Молодѣетъ душа.
И во снѣ прижимаю къ губамъ твою прежнюю
руку,
Не дыша.

Снится,— снова я мальчикъ, и снова любовникъ,
И оврагъ, и бурьянъ,
И въ бурьянѣ—колючій шиповникъ,
И вечерній туманъ.

Сквозь цвѣты и листы, и колючія вѣтки, я знаю,
Старый домъ глянетъ въ сердце мое,
Глянетъ небо опять, розовѣя отъ краю до краю,
И окошко твое.

Этотъ голосъ — онъ твой и его непонятному
звуку
Жизнь и горе отдамъ,
Хоть во снѣ, твою прежнюю милую руку
Прижимая къ губамъ.

О ЧЕМЪ ПОЕТЪ ВѢТЕРЪ.

Мы забыты, одни на землѣ.
Посидимъ же тихонько въ теплѣ.

Въ этомъ комнатномъ, тепломъ углу
Поглядимъ на октябрьскую мглу.

За окномъ, какъ тогда, огоньки.
Милый другъ, мы съ тобой старики.

Все, что было и бурь и невзгодъ?
Позади. Что-жъ ты смотришь впередъ?

Точно ангела бурнаго ждешь?
Все прошло. Ничего не вернешь.

Только стѣны, да книги, да дни.
Милый другъ мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чемъ, что прошло, не грущу.

Только, вотъ—принялась ты опять
Свѣтлый бисеръ на нитки низать,

Какъ когда-то, ты помнишь тогда...
О, какіе то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрѣй,
Такъ возьми-жъ и теперь попестрѣй,

Чтобы шелкъ, что вдѣваешь въ иглу,
Побѣждалъ пестротой эту мглу.

Поетъ, поетъ,
Поетъ и ходитъ возлѣ дома.
И грусть, и нѣжность, и истома,
Какъ прежде за сердце беретъ...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И пѣснью длинной и простой
Баюкаетъ и нѣжитъ время...

Такъ древни мы,
Такъ древенъ міръ
Бѣгъ
И лира
Поетъ намъ снѣгъ
Сѣдой зимы,
Поетъ намъ снѣгъ сѣдой зимы...

Туда, туда,
На снѣговую грудь
Послѣдней ночи...
Вздохнуть и очи
Навсегда
Сомкнуть. Сомкнуть въ объятьяхъ ночи...

Возврата нѣтъ
Страстямъ и думамъ...
Смотри, смотри,
Съ полночнымъ шумомъ
Идетъ къ намъ вѣтеръ отъ зари.
Послѣдній свѣтъ
Померкъ. Умри.
Померкъ послѣдній свѣтъ зари.

Милый другъ, и въ этомъ тихомъ домѣ
Лихорадка бьетъ меня.
Не найти мнѣ мѣста въ тихомъ домѣ
Возлѣ мирнаго огня!

Голоса поютъ, взываетъ вьюга,
Страшенъ мнѣ уютъ.
Даже за плечомъ твоимъ, подруга,
Чьи-то очи стерегутъ!

За твоими тихими плечами
Слышу трепетъ крылъ.
Бьетъ въ меня свѣтящими очами
Ангелъ бури—Азраилъ.

Изъ ничего—фонтаномъ синимъ
Вдругъ брызнулъ свѣтъ.
Мы головы наверхъ закинемъ—
Его ужъ нѣтъ,
Разсыпался надъ черной далью
Златымъ пучкомъ,
А здѣсь—опять,—дугой, спиралью,
Шаромъ, волчкомъ,
Зеленый, желтый, синій, красный—
Вся ночь въ лучахъ...
И, всполошивъ ее напрасно,
Зачахъ.

Вспомнилъ я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочникъ добрый и старый
Тихо сидѣлъ у огня.

Дождикъ стучался въ окошко,
Вѣтеръ въ трубѣ завывалъ.
— Плохо теперь безпріютнымъ!—
Сказочникъ добрый сказалъ.

Въ дверь постучались легонько,
Сказочникъ дверь отворилъ,
Вѣтеръ ворвался холодный,
Дождикъ порогъ окатилъ,

Мальчикъ стоитъ на порогѣ
Жалкій, озябшій, нагой,
Мокрый калчанъ за плечами,
Лукъ съ титевою тугой.

И, усадивъ на колѣни,
Грѣетъ бѣдняжку старикъ.
Тихо довѣрчивый мальчикъ
Къ старому сердцу приникъ.

— Что у тебя за игрушки?
—Ихъ подарила мнѣ мать.
—Вѣрно, ты стрѣлы изъ лука
Славно умѣешь пускать?

Звонко въ отвѣтъ засмѣялся
Мальчикъ и на полъ спрыгнулъ.
— Вотъ какъ умѣю!—сказалъ онъ
И титеву натянулъ.

Въ самое сердце попалъ онъ,
Старое сердце въ крови.
Какъ неожиданно ранятъ
Острыя стрѣлы любви!

Старикъ терпи
Тяжкій недугъ.
И ты, мой другъ,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты вѣка,
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Все, что было,
Что манило,
Что цвѣло,
Что прошло,—
Все, все.

Было то въ темныхъ Карпатахъ,
Было въ Богеміи дальней...

Впрочемъ, прости. . мнѣ немного
Жутко и холодно стало;
Это—я помню не ясно,
Это—отрывокъ случайный,
Это—изъ жизни *другой* мнѣ
Жалобный вѣтеръ напѣлъ...

Что-жъ? «Не общественно»? - Знаю.
Что? «Декаденство»?—Пожалуй.
Что? «Непонятно»?—Пускай;
Всетаки, вечеръ прошелъ.

Вѣрь, другъ мой, сказкамъ: я привыкъ
Вникать
Въ чудесный ихъ языкъ.
И постигать
Въ обрывкахъ словъ
Туманный ходъ
Иныхъ міровъ,

И темный времени полетъ
Слѣдить,
И вмѣстѣ съ вѣтромъ пѣть;
Такъ легче жить,
Такъ легче жизнь терпѣть
И уповать,
Что темной думы ростъ
Намъ въ вѣчность перекинетъ мостъ.
Надѣяться и ждать...
Жди, старый другъ, терпи, терпи,
Терпѣть недолго, крѣпче спи,
Все равно, все пройдетъ,
Все равно вѣдь никто не пойметъ,
Ни тебя не пойметъ, ни меня,
Ни что вѣтеръ поетъ
Намъ, звеня...

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авіаторъ (Летунъ отпущенъ) 24

Безъ слова мысль 186
Благовѣщенье (Съ дѣтскихъ лѣтъ) 94
Божья Матерь (Загробомъ) 106
Болотистымъ пустыннымъ лугомъ 192
Боль проходитъ (Послѣднее напутствіе). . 143
Бѣлый конь чуть ступаетъ 217
Было то въ темныхъ Карпатахъ. 255

Вашъ взглядъ—его мнѣ подстеречь 199
Венеція (три стих,) 82
Весенній день прошелъ безъ дѣла. 50
Вновь оснѣженныя колонны (На островахъ) . . 115
Вотъ Онъ, Христосъ 218
Все бъ тебѣ желать веселья 165
Все на землѣ умретъ 113
Все, что минутно (Равенна). 79
Все это было, было 111
Вспомнилъ я старую сказку. 253
Встрѣтивъ на горномъ Тебя (Мадонна da Settignano) 90
Встрѣчной (Я только рыцарь) 162
Выхожу я въ путь (Осенняя воля). 213
Въ густой травѣ 223
Въ жаркое лѣто (Художникъ) 138
Въ лонѣ площади (Сіена) 92
Въ неувѣренномъ зыбкомъ полетѣ 123
Въ полъ-оборота ты встала 33
Въ ресторанѣ (Никогда не забуду) 20

Въ черныхъ сучьяхъ (Униженіе) 22
Вѣтеръ стихъ и слава зоревая 243
Вѣтеръ налетитъ, завоетъ снѣгъ 189

Гдѣ отдается въ длинныхъ залахъ 183
Голоса скрипокъ (Изъ длинныхъ травъ) . . . 180
Голубоватымъ дымомъ (Флоренція) 86
Грѣшить безстыдно, непробудно 146
Грустя, и плача, и смѣясь 166

Даже имя твое мнѣ презрѣнно. 34
Демонъ (Прижмисъ ко мнѣ крѣпче) 18
День догорѣлъ (Пѣснь Ада) 13
День полувеселый (Перуджіо) 85
Другъ другу (Друзьямъ) 108
Друзьямъ (Другъ другу) 108
Духъ пряный марта 184
Дымъ отъ костра 236
Дѣвушка изъ Spoleto (Строенъ твой станъ) . . 81

Есть игра: осторожно войти. 31
Есть времена, есть дни 193
Есть въ напѣвахъ твоихъ (Къ музѣ). 9
Есть минуты, когда не тревожитъ 191
Ея спеленутое тѣло (Успеніе). 96

Жгутъ раскаленные камни (Флоренція) 88

За гробомъ (Божья Матерь) 106
Задебренныя лѣсомъ кручи 225
Здѣсь въ сумерки, въ концѣ зимы 173
Здѣсь духъ мой злобный и упорный 49
Здѣсь я покоюсь (Эпитафія Фра Филиппо Липпи) 98

И вновь порывы юныхъ лѣтъ 134
Идемъ по жнивью (Осенній день) 234
Идутъ часы, и дни, и годы 121
Изъ длинныхъ травъ (Голоса скрипокъ) . . . 180

Изъ ничего фонтаномъ синимъ 252
Изъ хрустальнаго тумана 11
И пора уснуть (Сны) 241
Испанкѣ (Не лукавь же) 190
Испугомъ схвачена, влекома 34
И я любилъ 160

Какъ прощались 179
Какъ растетъ тревога 57
Какъ свершилось 58
Какъ тяжело ходить среди людей 54
Какъ тяжко мертвецу (Пляска смерти) 27
Карменъ (восемь стих.) 101
Когда вступая въ міръ 48
Когда въ листвѣ сырой 224
Когда замрутъ отчаянье и злоба 103
Когда подъ заступомъ (На смерть младенца). 45
Когда страшишься (Сіенскій соборъ) 93
Когда я прозрѣвалъ впервые 47
Кольцо существованья тѣсно 142
Къ Музѣ (Есть въ напѣвахъ твоихъ) 9

Летунъ отпущенъ (Авіаторъ) 24

Мадонна da Settignano (Встрѣтивъ
на горномъ Тебя) 90
Май жестокій 154
Мать и жена и я. (Сонъ) 117
Милый другъ, и въ этомъ тихомъ домѣ 251
Мой милый, будь смѣлымъ 169
Мы забыты, одни. 247

На желѣзной дорогѣ (Подъ насыпью,
во рву. 118
На островахъ (Вновь оснѣженныя колонны). . 115
На полѣ Куликовомъ (пять стих.) 226
На смерть В. Ѳ. Коммиссаржевской (Пришла порою полуночной) 181
На смерть младенца (Когда подъ заступомъ) 45

Натянулись гитарныя струны 199
Не вѣнчалъ мою голову 170
Не затѣмъ величалъ я себя паладиномъ. 155
Не лукавь же (Испанкѣ) 190
Не мани меня ты, воля 216
Не пришелъ на свиданье (Позднимъ вечеромъ) 104
Не спятъ, не помнятъ 46
Никогда не забуду (Въ ресторанѣ) 20
Новая Америка (Праздникъ радостный) 135
Ночь, какъ вила 35
Ночь, какъ ночь 42
Ночь, улица, фонарь 30

О доблестяхъ, о подвигахъ 39
Окна ложныя (Флоренція) 89
О, красный парусъ (Венеція). 82
Она, какъ прежде, захотѣла 41
О, нѣтъ, не расколдуешь сердце ты 140
Опустись, занавѣска 168
Опять, какъ въ годы (Россія) 232
Опять на родинѣ (двѣнадцать стих. Гейне) 61
Осенній вечеръ былъ 126
Осенній день (Идемъ по жнивью) 234
Осенняя воля (Выхожу я въ путь) 213
О чемъ поетъ вѣтеръ (шесть стих.) 245

Перуджія (День полувеселый) 85
Петроградское небо мутилось дождемъ 148
Пляска смерти (Какъ тяжко мертвецу) . . . 27
Повеселясь на буйномъ пирѣ 188
Подъ зноемъ (Флоренція) 89
Подъ насыпью, во рву (На желѣзной дорогѣ) 118
Подъ шумъ и звонъ 110
Поетъ, поетъ 249
Поздней осенью изъ гавани 114
Позднимъ вечеромъ (Не пришелъ на свиданье) 104

Покойникъ спать ложится 171
Послѣднія (пять стих.) 128
Послѣднее напутствіе (Боль проходитъ). . 143
Посѣщеніе (То не ели) 236
Праздникъ радостный (Новая Америка) 135
Приближается звукъ 244
Прижмись ко мнѣ (Демонъ) 18
Пришла порою полуночной (На смерть В. Ѳ. Коммиссаржевской) 181
Прошли года, но ты все та же 219
Пустая улица. Одинъ огонь въ окнѣ. 29
Пѣснь Ада (День догорѣлъ) 13

Равенна (Все, что минутно) 79
Рожденные въ годы глухіе 150
Россія (Опять, какъ въ годы) 232
Русь моя, жизнь моя 237
Русь (Ты и во снѣ необычайна) 220

Свирѣль запѣла на мосту 159
Сіена (Въ лонѣ площади пологой) 92
Сіенскій соборъ (Когда страшишься) 93
Слабѣетъ жизни гулъ (Венеція) 83
Сны (И пора уснуть) 241
Сонъ (Мать и жена и я) 117
Страстью длинной (Флоренція) 83
Строенъ твой станъ (Дѣвушка изъ Spoleto) . . 81
Стучитъ топоръ (Фьезоле) 91
Съ дѣтскихъ лѣтъ (Благовѣщенье). 94
Сѣдое утро (Утрѣетъ. Съ Богомъ!) 194
Сѣдыя сумерки легли 185

Тамъ неба освѣтленный край 240
Твой южный голосъ 197
То не ели (Посѣщеніе) 238
Три посланія 157
Ты и во снѣ необычайна (Русь) 220
Тяжкій, плотный занавѣсъ (Шаги Командора) . 55
Ты въ комнатѣ одинъ сидишь 51

Ты отошла, и я въ пустынѣ 222
Ты помнишь? Въ нашей бухтѣ 124

Ужъ вечеръ свѣтлой полосою 172
Униженіе (Въ черныхъ сучьяхъ) 22
Успеніе (Ея спеленутое тѣло) 96
Утрѣетъ. Съ Богомъ! (Сѣдое утро) 194

Флорениія (шесть стих.) 86
Флоренція, ты ирисъ (Флоренція) 87
Фьезоле (Стучитъ топоръ) 91

Холодный вѣтеръ (Венеція) 282
Художникъ (Въ жаркое лѣто) 138

Часовая стрѣлка близится къ полночи 164
Черезъ двѣнадцать лѣтъ (семь стих.) . . 174
Черная кровь (пять стих.) 33
Чѣмъ больше хочешь отдохнуть 53

Шаги Командора (Тяжкій, плотный занавѣсъ) 55
Шаръ раскаленный 187

Я вижу блескъ, забытый мной 196
Я—Гамлетъ. Холодѣетъ кровь 44
Я живу въ отдаленномъ скиту 215
Я коротаю жизнь мою 120
Я не звалъ тебя 167
Я пригвожденъ 156
Я сегодня не помню, что было вчера 43
Я только рыцарь и поэтъ (Встрѣчной) 162

Эпитафія Фра Филиппо Липпи (Здѣсь я покоюсь) 98

«Собраніе лирическихъ произведеній Александра Блока» печатается, брошюруется и переплетается въ типографіи Русскаго Товарищества, въ Москвѣ.

Бумага для этого изданія изготовлена по спеціальному заказу писчебумажнымъ фабрично-торговымъ Товариществомъ К. Г. Кувшинова. Каждаго тома выпускается 3000 экземпляровъ.

Книги того-же автора:

Стихи о Прекрасной Дамѣ. Москва, 1905. Изд. „Грифъ“ (*распродано*).

Нечаянная Радость. Москва, 1907. Изд. „Скорпіонъ“ (*распродано*).

Снѣжная маска. С.-Пб., 1907. Изд. „Оры“ (*распродано*).

Земля въ Снѣгу. Москва, 1908. Изд. „Золотое Руно“.

Лирическія драмы. С.-Пб., 1908. Изд. „Шиповникъ“ (*распродано*).

Ночные Часы. Москва, 1911. Изд. „Мусагетъ“ (*распродано*).

Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ. Москва, 1911—12. Изд. „Мусагетъ“.

Стихи о Прекрасной Дамѣ, изд. 2-е
Нечаянная Радость, изд. 2-е
Снѣжная Ночь
} (*распродано*).

Сказки (стихи для дѣтей). Москва, 1912. Изд. Сытина; ц. 15 к.

Круглый Годъ (стихи для дѣтей). Москва, 1912. Изд. Сытина; ц. 15 к.

Стихи о Россіи, 1915. Изд. „Отечество“; ц. 40 к.

Стихотворенія, въ трехъ книгахъ. Москва. 1916. Изд. „Мусагетъ“.

Книга первая (1898—1904). Ц. 1 р. 75 к.
Книга вторая (1904—1907). Ц. 2 р.
Книга третья (1905—1914). Ц. 2р. 25 к.

Театръ. Балаганчикъ. Король на площади. Незнакомка. Роза и Крестъ. Москва, 1916. Изд. „Мусагетъ". Ц. 2 р.

Собраніе статей (*готовится*).

Ф. Грилльпарцеръ. Праматерь (Die Ahnfrau). Драма въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Переводъ А. Блока. С.-Пб., 1908. Изд. „Пантеонъ".

Г. Флоберъ. Переписка, въ трехъ томахъ. Переводъ А. А. Кублицкой-Піоттухъ, подъ ред. А. Блока. Изд. „Шиповникъ". Часть первая, 1915; ц. 3 р. Части вторая и третья (*готовятся*).

Собраніе стихотвореній Аполлона Григорьева. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ А. Блокъ. Изд. Некрасова, Ярославль, 1915; ц. 3 р. 50 к.

Каталогъ издательства „МУСАГЕТЪ“.

I.

С. БОБРОВЪ. Новое о стихосложеніи Пушкина. . 0.50
С. БОБРОВЪ. Записки стихотворца 1.00
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Символизмъ. Книга статей . . 3.00
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Арабески. Книга статей. . . . 2.50
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Трагедія творчества. (Достоевскій и Толстой.) 0.40
ВОЛЬФИНГЪ. Модернизмъ и музыка. Статьи. . 2.00
ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. Борозды и межи 2.75
СЕРГѢЙ ДУРЫЛИНЪ. Рихардъ, Вагнеръ и Россія. 0.50
ЭМИЛІЙ МЕТНЕРЪ. Размышленія о Гете. Книга I: Разборъ взглядовъ Рудольфа Штейнера въ связи съ вопросами критицизма, символизма и оккультизма 2.00
РАЧИНСКІЙ. Японская поэзія 0.40
БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Русская Камена. Статьи. Съ восьмью портретами 1.50
М. СѢДЛОВЪ. Цезарь Ломброзо и спиритизмъ. 0.85
ЭЛЛИСЪ. Русскіе символисты. (Константинъ Бальмонтъ—Валерій Брюсовъ—Андрей Бѣлый.) Съ тремя портретами. 2.00
ЭЛЛИСЪ. Vigilemus. 0.90

II.

ШАРЛЬ БОДЛЭРЪ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. 1.00

РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ. Вибелунги. Пер. С. Шенрока 0.50

ГИЛЬДЕБРАНДЪ. Проблема формы въ изобразительномъ искусствѣ. Съ 17 табл. рис. . 3.00

ПАУЛЬ ДЕЙССЕНЪ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Переводъ Михаила Сизова. 0.40

ЖОЗЕФЪ ОРСЬЕ. Агриппа Неттесгеймскій. Переводъ Брониславы Рунтъ, подъ редакціей Валерія Брюсова. 0.75

ЮЛІЙ СЛОВАЦКІЙ. Ангелли. Переводъ Анатолія Виноградова. 0.50

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ. Наполеонъ Бонапартъ. Переводъ О. К. Синцовой. 0.80

ХОУСТОНЪ СТЮАРТЪ ЧЕМБЕРЛЕНЪ. Арійское міросозерцаніе. Переводъ О. К. Синцовой . 0.50

III.

Антологія. 2.00

ВАЛЕРІАНЪ БОРОДАЕВСКІЙ. Уединенный долъ. Вторая книга стиховъ. 1.50

З. Н. ГИППІУСЪ. Собраніе стиховъ. Книга вторая (1903—1909). 1.00

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Апрѣль. Вторая книга стиховъ (1906—1909) 2.00

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Цвѣтникъ Царевны. Третья книга стиховъ (1909—1912). 1.25

ЭДЛИСЪ. Stigmata. Книга стиховъ 2.00

ЭДЛИСЪ. Аго. Двѣ книги стиховъ и поэма . . . 2.00

Изданія „ОРФЕЙ".

[Книга I]. РЭЙСБРУКЪ УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Одѣяніе духовнаго брака. Переводъ Михаила Сизова 2.00

[Книга II]. ГЕРАКЛИТЪ ЕФЕССКІЙ. Фрагменты. Переводъ Владимира Нилендера 1.00

[Книга III]. МЕЙСТЕРЪ ЭКХАРТЪ. [Духовныя.] Проповѣди и разсужденія. Переводъ М. В. Сабашниковой. 3.00

[Книга IV]. Цвѣточки святого Франциска Ассизскаго. Переводъ А. П. Печковскаго. 0.75

[Книга V]. ЭММАНУИЛЪ СВЕДЕНБОРГЪ. Увеселенія премудрости о любви супружественной. Переводъ автора неизвѣстнаго. Издалъ по рукописи 1850 года В. Пашуканисъ . . . 15.00

[Книга VI]. ЯКОВЪ БЕМЕ. Aurora или Утренняя заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго.

Изданіе А: 325 нумерованныхъ экземпляровъ въ лучшей обложкѣ и съ приложеніемъ портрета Якова Беме, гравированнаго на стали въ серединѣ XIX вѣка. 4.00

Изданіе В: обыкновенные экземпляры, безъ портрета. 3.00

„ЛОГОСЪ".

Международный ежегодникъ по философіи культуры.

Русское изданіе.

Годъ изданія первый: 1910, книга первая и вторая 3.00
Книга первая 2.00
Книга вторая 2.00
Годъ изданія второй: 1911—1912, книга 1, 2 и 3-я. 3.50
Книга первая 2.00
Книга вторая и третья. 2.50
Годъ изданія третій: 1912—1913, книга 1, 2, 3 и 4 . 4.50
Книга первая и вторая. 2.50
Книга третья и четвертая 3.50

„ТРУДЫ и ДНИ“ издательства Мусагетъ.

[Тетради I—V]. Годъ первый: 1912. №№ 1—6. . .	3.00
[Тетрадь I] 1912 № 1.	0.60
[Тетрадь II] 1912 № 2	0.60
[Тетрадь III] 1912 № 3.	0.60
[Тетрадь IV] 1912 № 4—5	1.20
[Тетрадь V] 1912 № 6	0.60
[Тетради VI—VIII] 1913—1916	3.50
[Тетрадь VI] 1913 I—II.	1.20
[Тетрадь VII].	1.50
[Тетрадь VIII].	2.00

Выписывающимъ непосредственно изъ издательства пересылка за счетъ конторы.

Контора издательства открыта съ 12 до 5 часовъ ежедневно.

NB. Обращается вниманіе на новый **адресъ издательства:**

Москва, Большая Никитская, № 17, кв. 11.

Телефонъ 1-79-50.

МАГАЗИН БУКИНИСТА
МОГИЗА
51
К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС
В. И. ЛЕНИН
И. В. СТАЛИН

Цѣна [redacted]